

Наше всё

ПУШКИН,
ПОТОМОК
РЮРИКА

ЛАРИСА ЧЕРКАШИНА

Наше всё

Лариса Черкашина
Пушкин, потомок Рюрика

«Алгоритм»

2008

УДК 82-94
ББК 83.3

Черкашина Л. А.

Пушкин, потомок Рюрика / Л. А. Черкашина —
«Алгоритм», 2008 — (Наше всё)

ISBN 978-5-699-30004-4

«Бояр старинных я потомок», «...корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей...», «род мой один из самых старинных дворянских», – писал, интересуясь истоками своего родословия, Александр Сергеевич Пушкин. Генеалогическое древо русского гения – по сути, не что иное, как срез нашей российской истории. Действительно, его род неотделим от судеб Отечества. Ведь, начиная с Рюрика, среди предков поэта – великие русские князья Игорь и Святослав, Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский. Цепочка пушкинской родословной соединила Толстого и Достоевского, Лермонтова и Гоголя, Глинку и Мусоргского ... В 70-х годах XX века схему родословия Пушкина разработал, что было под силу разве целому исследовательскому институту, пушкинист по воле Божией Андрей Андреевич Черкашин, бывший военный, участник Великой Отечественной войны. Неоценимый этот труд продолжила его дочь, автор настоящей книги о предках и потомках великого поэта Лариса Черкашина, на счету которой десятки интереснейших изданий на пушкинскую тему.

УДК 82-94
ББК 83.3

ISBN 978-5-699-30004-4

© Черкашина Л. А., 2008

© Алгоритм, 2008

Содержание

«По праву русского дворянства»	8
Планета Андрея Черкашина	10
Родоначальник Рюрик	18
«Откуда есть пошла русская земля»	19
«Племя древнего варяга»	21
Гостомысл, муж мудрый и храбрый	23
Посадник Новгородский	23
«Мимо острова Буяна»	24
«И прия власть Рюрикъ»	26
«Во славу Руси ратной»	28
Вещий Олег	28
Князь Игорь	30
Великая княгиня	31
Воительница	31
Созидательница	33
Прекраса	34
«Иде Ольга в грекы»	35
«Начальница веры»	37
«Древний удалец»	39
«Аки пардусъ»	39
«Середа земли»	40
«Лют будет муж этот»	42
«Владимир-солнце»	43
Святославичи	43
Робичич	45
Владимир и Рогнеда	47
Креститель	49
«С друзьями в гриднице высокой»	51
«Между двенадцатью сынами»	52
Владимировичи	54
Князь Изяслав и его потомки	54
Ярослав Мудрый	56
Князь Мстислав	61
Шапка Мономаха	63
«Примите... В сердце свое»	63
Безымянная княжна	64
Ростовское княжение	65
Князь Долгорукий	66
«На тихих берегах Москвы»	68
«Приди ко мне, брате»	71
Из Всеволодова гнезда	74
Андрей Боголюбский	74
Из династии императоров	76
Великокняжеская чета	77
Ярослав II	79
Князь Невский	81

«К началу жизни молодой»	81
Нашествие	82
Невская битва	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лариса Андреевна Черкашина Пушкин, потомок Рюрика

Памяти моего мужа Ивана Петровича Пацея-Рожновского

Что Пушкин для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя Россия стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет.

Дмитрий Мережковский, 1937 год

© Л.А. Черкашина, 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

«По праву русского дворянства»

Из Указа императора Павла I:

«Каждый Дворянин вменял себе за славу и честь быть Рыцарем и получить знаки и украшения Рыцарства. Щиты Рыцарей украшены были гербами их родов, составленными из разных изображений, внесенных в герб в память или в знак каких-либо Рыцарских подвигов. Таковые знаки вливали в сердца потомков почтение к героическим подвигам предков своих и стремление к подражанию оным...»

Александр Сергеевич Пушкин:

«Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы...»

«Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить...»

«...Корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей...»

«Род мой один из самых старинных дворянских...»

«Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха...»

«Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению – черта смешная в выскочке и низкая в дворянине...»

«Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости...»

«...Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением...»

«Мы такие же родовитые дворяне, как Император и Вы...» (*великому князю Михаилу Павловичу, брату Николая I*)

«Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (N.B. мое дворянство старше).

Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость...» (*поэту Кондратию Рылееву*)

«Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *son amoge* (с любовью – *ит.*), но безо всякой дворянской спеси...»

«...Существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян...»

«...Предпочитать свою собственную славу славе целого своего рода была бы слабость неизвинительная...»

«Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта...»

«Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются...»

«Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа...»

«Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием...»

«...Как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и имя, которое оставлю моим детям».

Планета Андрея Черкашина

Ветвистое древо полного родословия А.С. Пушкина воссоздавалось на берегах той же Яузы, где родился поэт, в полутора верстах выше по течению – в старинном и достославном некогда селе Преображенском, а ныне большом новом районе Москвы. Правда, от времен любимого героя Пушкина – Петра I, – времен его юношеских потех и великих государственных реформ остались разве что извивы речного русла да названия улиц: Потешная, Игральная, 9-я Рота, Знаменская, Зельев переулок... Именно здесь, сначала на Игральной, затем на Знаменской, появились на белизне ватманского листа первые веточки гигантского генеалогического древа, изумляющего всех, кто его видел, обширностью и неожиданностью родственных связей русского поэта.

Всю эту грандиозную и кропотливую работу проделал самодеятельный историк, офицер в отставке, инвалид минувшей войны Андрей Андреевич Черкашин. Помимо библиотек и архивов, помимо собственной комнатки-кабинета, заваленной книгами, рукописями, свитками черновиков, завешанной репродукциями портретов людей из пушкинского окружения, многолетняя и каждодневная работа продолжалась и в палате старинного – опять-таки петровских времен – госпиталя на Яузе, куда фронтовые раны время от времени приводили командира гвардейской части.

Врачи приемного отделения уже привыкли к тому, что на каталке, увозящей в палату их необычного пациента, всегда лежала чертежная туба, набитая свернутыми листами, и уже знали, что через день-другой придет навещать Черкашина не кто иной, как правнук великого поэта – Григорий Григорьевич Пушкин. В сорок первом они оба защищали Москву, правда, на разных рубежах. Григорий Григорьевич приносил своему другу не только пакеты с яблоками, но и новые сведения для «разрастающегося» пушкинского древа.

Ни врачи, ни медсестры деликатно не замечали явных нарушений строгой больничной жизни. Знали, что дело только поможет их пациенту. Работа над схемой поддерживала его жизненные силы не менее эффективно, чем самые действенные лекарства, – на это время, как под наркозом, отступала боль.

А из окна палаты можно было разглядеть, как над крышами золотом поблескивают купола Елоховского собора, где на исходе восемнадцатого столетия крестили новорожденного Александра Пушкина...

«Появление на свет гениального человека не совершается экспромтом, – писал в начале XX века киевский профессор-антрополог И.А. Сикорский. – Происходит продолжительная и сложная подготовка к великому событию живой природы».

К Пушкину природа шла долго. Собирала, связывала воедино разрозненные ниточки родословных, словно сплетала какой-то особый, неведомый доселе узор. Возможно ли понять, осмыслить его закономерности и случайности?

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», – этой пушкинской строке суждено было стать ключом к задуманному Черкашиным полному родословию поэта.

Пушкин – эта наша российская история, и в ней кроются истоки пушкинского рода. Поэтому Черкашин и принялся за составление родословий старинных княжеских фамилий и царствовавших домов: Рюриковичей, Чингизидов, Гедиминовичей, Романовых, династий византийских императоров, английских, греческих и польских королей.

И когда исследователь завершил задуманное, оказалось, что составленная схема вобрала в себя более трех тысяч исторических имен; в их числе прославленные государственные деятели, полководцы и воеводы, святые Православной церкви. В этом густом генеалогическом лесу предстояло проложить тропинки, ведущие к пушкинскому роду.

Одно необычное обстоятельство открылось ему тогда: в сущности, невозможно восстановить в полном объеме родственные связи ни одного из ныне живущих. Но история будто сама позаботилась сохранить для будущих поколений имена предков Александра Сергеевича Пушкина.

Действительно, история его рода неотделима от судеб Отечества – без Пушкиных, Ганнибалов, Головиных, Чичериных, Ржевских, Беклемишевых и множества других славных русских фамилий не было бы полной истории России.

Род Ржевских стал связующим звеном между новгородским князем Рюриком и его далеким потомком Александром Сергеевичем Пушкиным. Цепочка родословной соединила славные имена великих предков поэта, первых русских князей: Игоря, Святослава, Владимира Красное Солнышко, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Мстислава Великого. Нити родословной, переплетаясь в веках, порой теряясь на крутых поворотах истории и вновь возрождаясь по непреложным законам бытия, вели к 1799 году – году рождения А.С. Пушкина.

В прямом родстве с поэтом и великий князь Александр Невский, осененный при жизни за свои ратные подвиги ореолом святости.

Александр Невский – правнук основателя Москвы князя Юрия Долгорукого, седьмого сына Владимира Мономаха. А сам Владимир Мономах – правнук великого киевского князя Владимира Красное Солнышко, тысячелетие назад крестившего Русь. От Александра Невского родственная ветвь протянулась к поэту через князей суздальских и московских.

Своей родословной у Черкашина нет. Она обрывается, как и у многих из нас, на деде. Но в историю своей фамилии он, по исследовательской привычке, заглянул глубоко. Заглянем и мы, чтобы лучше понять, почему именно этот человек взялся за титанический труд и почему он оказался ему по силам.

...Название «народ черкасы» упоминалось еще в царских грамотах XVII столетия: «черкашин» – так звали украинца, «черкашинка» – украинку. Своим происхождением слово это обязано тюркскому «чири киши», или «чири киси», что значило «люди армии». В достославные былинные времена древнерусской истории на рубеже XI–XII веков русские князья доверяли защиту своих городов полкам тюркской конницы, воины которой селились по берегам реки Рось, в городах Черкашсы и Берендичев (нынешний Бердичев). Позже воины ассимилировались с местным населением. Но многие века их правнуки и внуки не расставались с саблями. Возможно, что и вольнолюбивое запорожское казачество унаследовало от них свои воинские традиции.

В середине прошлого века потомки «людей армии» вместе с тысячами других своих земляков – украинцами, русскими, белорусами – потекли обживать суровые сибирские края. Среди переселенцев были и прадеды А.А. Черкашина. Он родился в Иркутске, в тех краях, где отбывали сибирскую каторгу и ссылку опальные друзья Пушкина – декабристы, где некогда возводил крепости прадед поэта, «Петра питомец» Абрам Петрович Ганнибал. Впрочем, о декабристах и Ганнибале узнал Черкашин довольно поздно. Парнишка из большой рабочей семьи рано оставил школу и пошел на паровозоремонтный завод.

Никогда не думал Черкашин, что станет историком. Историю России он постигал не на школьной скамье – на ратных полях под Москвой, в «Наполеоновых воротах» под Смоленском, в лесах и болотах Белоруссии.

В 1943-м на краткосрочных офицерских пехотных курсах в Тушине (тоже историческое место!) он впервые увидел замечательный фильм – «Александр Невский». Двадцатитрехлетнего лейтенанта потрясло, что легендарный князь, громивший во главе русских полков псов-рыцарей, был даже чуть младше его!

По прихоту судьбы, через несколько недель «гвардии Андрюшка», как прозвали сослуживцы Черкашина, надел на себя латы, почти такие же, в каких ходили на врага воины Нев-

ского, и повел свою штурмовую роту в прорыв немецкой обороны. Вот как сам он об этом рассказывал:

«Однажды перед штурмом так называемых «Наполеоновых ворот», дефиле, по которому рвались на Москву еще полчища Бонапарта, нас, командиров рот и батальонов 133-й стрелковой дивизии, собрал подполковник Сковородкин, только что вернувшийся из Москвы. Мы с удивлением разглядывали фигурные стальные пластины защитного цвета, лежавшие перед ним на куске брезента. «Это противопульные панцири. Личное средство защиты пехотинца в бою, – сказал он, поднимая одну из броняшек с заметным усилием. – Ну, кто хочет примерить?»

Почему-то охотников не нашлось. Не знаю отчего, но взгляд подполковника остановился на мне. Может быть, потому что у меня на гимнастерке сверкал рубином тогда еще редкий знак «Гвардия», а может, потому что я не утратил еще спортивную форму – до войны занимался вольной борьбой.

– Ну-ка, гвардеец, попробуй...

Я взвалил панцирь на грудь. Сначала показалось тяжеловато: панцирь, да еще каска, да автомат... Но ведь дрались же русские воины в панцирях и кольчугах. Неужели мы, их далекие потомки, слабее?

– Так тому и быть, – улыбнулся подполковник. – Войдешь, Черкашин, в историю как командир первой панцирной роты».

И вот, в один из жарких августовских дней 1943-го рота, облачившись в стальные доспехи, изготовилась в траншее к броску. Накануне Черкашин рассказал бойцам, что идут они штурмовать те самые «Наполеоновы ворота», возле которых в 1812 году разгорелась жаркая битва за Смоленск, и что в ней участвовали и кутузовские кирасиры – тяжелая кавалерия, – закованные в латы наподобие тех, что надели они на себя. Все-таки история повторяется. И повторяется не только в географии, но и порой в незначительных деталях.

Прижавшись к земляным стенкам траншеи, ждали, когда отгремит артподготовка. Израненная земля Смоленщины – чего только она не перевидала на своем веку! – вздрагивала, как живая. Ну вот, и настал их час. Атака!

– Вперед! За землю Русскую! «Рота поднялась хорошо – встали все, развернулись в цепь, – вспоминал Андрей Андреевич. – Тяжести панциря я почти не ощущал, ноги в пылу атаки несли сами. Не помню, как ворвались в немецкую траншею. Рукопашная началась, выстрелы в упор... Никогда не забуду лицо фашистского автоматчика. Я наскочил на него в одном из поворотов траншеи. Вжавшись спиной в земляной траверс, палит в меня с дуэльной дистанции... Три сильных толчка в грудь – три попадания в панцирь. Едва устоял на ногах, но устоял... Автоматчик видит, что его пули отскакивают от меня, как горох. За стеклами очков – обезумевшие от ужаса глаза... Я не стал в него стрелять, перепрыгнул, и – вперед!»

За тот бой по прорыву «Наполеоновых ворот» лейтенант Черкашин был представлен к ордену Александра Невского.

Как ни странно, но именно война привела его к Пушкину – к главному делу жизни.

Еще в декабре 1941-го боец одного из сибирских полков, переброшенных для обороны Москвы, Андрей Черкашин оказался на Калужской земле. Полк получил боевую задачу – выбить немцев из небольшого поселка со странным названием Полотняный Завод. Уже после боя, бродя по заброшенному, искалеченному войной парку, наткнулся он на старинное полуразрушенное здание.

Там же повстречался ему и словоохотливый старичок из местных жителей. Он-то и поведал своему единственному и благодарному слушателю историю старой усадьбы: здесь, поблизости, еще в Отечественную войну 1812 года шли жаркие схватки с французами, а в доме останавливался сам Кутузов. Узнал тогда Андрей, что в этой усадьбе подрастала красавица Наташа Гончарова, ставшая женой Пушкина, матерью его детей. И сам поэт дважды

бывал в Полотняном, любил эти края, купался в здешней речке с необычным названием Суходрев и даже будто бы хотел поселиться тут вместе со своим семейством...

И впервые подумалось солдату, что знает он о Пушкине непростительно мало – куда меньше, чем тот разговорчивый старик в заснеженном парке...

Именно Андрею Черкашину, фронтовику, самому познавшему, сколь неисчислимо множество чьих-то родословий безжалостно оборвала война, суждено было решить задачу неимоверной сложности – соединить в веках всех предков и потомков поэта.

«Генеалогия – наука опасная, как и взрывчатые вещества, потому общение с нею рискованное...» – утверждал Валентин Пикуль. Правоту этих слов Черкашин выверил собственной судьбой. Что ж, для гвардии полковника, отшагавшего дорогами войны, риск – удел профессионала. Да и без риска открытия не свершаются.

Тогда, в самом начале Великой Отечественной, ему светили лишь две звезды: либо геройская – на грудь, либо жестяная – на солдатскую могилу. Но ход планет, больших и малых, равно как и людских судеб, рассчитан свыше.

...На войне Андрей Черкашин чудом остался жив – уцелел в жестоких боях под Москвой, не тронули пули под Смоленском, не убил шальной осколок под Витебском. Сам-то он считал – выжил, уцелел во всех жизненных передрягах только потому, что в жизни его ждало ДЕЛО. И пока не довершит его, не поставит последнюю точку в пушкинском родословии, ничего с ним случиться не может...

Гвардии полковник в отставке Черкашин составил полное пушкинское родословие, сделав в одиночку то, что не удавалось раньше ни огромной армии биографов поэта, ни целым научным институтам, явившись в академический мир пушкиноведения, а точнее, ворвавшись в него поистине «как беззаконная комета» в круг «расчисленных светил...».

Не сразу был принят пушкинистами его огромный, подвижнический труд. Только в середине 1980-х созданные им генеалогические построения ученые назовут творческим подвигом и признают их научную и историческую значимость.

В двадцатых годах нынешнего века, на закате своей жизни, известный отечественный пушкинист Б.Л. Модзалевский сожалел, что так и не было создано «единого Пушкина». «Я буду счастлив, – писал он, – если когда-нибудь найдется такой человек, который, задавшись целью написать историю рода Пушкиных, использует собранные мною сведения, на накопление коих я потратил около трех десятков лет...»

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя...

Когда Черкашин брался за свою Пушкиниану, то и не подозревал, что обширные материалы, собранные Муравьевым, Модзалевским, другими виднейшими пушкинистами, хранятся в Пушкинском Доме. Ему пришлось начинать с азов, идти неведомым для профессионалов путем, и, как всякий новый путь, он привел к совершенно неожиданным результатам. Черкашин уверял, что судьба и здесь благоволила ему: если б раньше довелось ему увидеть все те увесистые тома научных работ, то не дерзнул бы он соперничать с маститыми авторами.

Конечно, полное родословие поэта не состоялось бы без того фундамента отечественного пушкиноведения, который закладывался не одним поколением российских историков: Татищевым, Ломоносовым, Карамзиным, Соловьевым, Ключевским, Всеволожским, Веселовским и теми безвестными древними летописцами, писавшими «земли родной минувшую судьбу». Все это Черкашину пришлось не просто прочитать – проштудировать.

Пушкин живо интересовался собственным родословием, гордился именами своих знаменитых предков. Помните?

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине,
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина...

Но многие родственные линии, которые смогли проявиться лишь графически в полном родословии, не были ведомы поэту. Не знал Александр Сергеевич, что в жилах его течет кровь Юрия Долгорукого и Александра Невского. Не ведал, что состоит в дальнем кровном родстве с прославленными полководцами – бесстрашным князем Дмитрием Пожарским и не знавшим поражений генерал-фельдмаршалом Михаилом Кутузовым. Открылся и такой знаменательный факт: оба полководца – Дмитрий Пожарский и ровно через двести лет повторивший его подвиг Михаил Кутузов – связаны родственными узами. Их матери, Ефросинья Федоровна и Анна Ивановна, принадлежали к одной фамилии – Беклемишевых.

Предок поэта стольник Петр Петрович Пушкин, живший в XVII столетии, имел двух сыновей, один из которых стал прадедом поэта по холмской линии, другой же – прапрадедом – по ржевской. В связи с подобными перемещениями колен линий Холмских и Ржевских мать А.С. Пушкина Надежда Осиповна приходится мужу – троюродной племянницей.

Наталия Николаевна, жена поэта, состояла в дальнем родстве с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, своим пятиюродным братом. И Александр Сергеевич также связан с Лермонтовым далекими кровными и свойственными узами родства.

И другой поэт – Дмитрий Веневитинов оказался в числе родных Пушкина, он его четвероюродный брат. Родство это, известное пушкинистам, идет через прабабку Александра Сергеевича Лукию Васильевну, дочь бригадира Василия Ивановича Приклонского, – ее родная племянница Анна Николаевна Оболенская, в замужестве Веневитинова, стала матерью Дмитрия.

В числе потомков Ольги Васильевны Чичериной, родной бабушки поэта, – известный дипломат, первый советский нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин.

Ну а в общем, схема пушкинского родословия дает полный простор для новых поисков и открытий. Думается, в чем-то ее можно уподобить Периодической системе элементов Менделеева – она так же дает простор уму пытливому, ищущему. И так хотелось бы, чтобы все пустующие клеточки родословия наполнились жизнью – в истории страны, в народной памяти не должно быть ни белых пятен, ни забытых имен...

Пушкин разомкнул круг неизбежного пенсионерского досуга, и Черкашин был богат необыкновенными знакомствами: летчики-космонавты Владимир Губарев и Георгий Береговой, ректор Московской духовной академии владыка Александр и владыка Владимир – глава Московской епархии, балерина Наталья Бессмертнова, академик Борис Рыбаков, прапраправнучка поэта герцогиня Александра Аберкорнская из Англии...

Андрей Андреевич получал сотни писем отовсюду, где живут люди, для которых свято имя Пушкина, ему звонили, спрашивали, приглашали на выступления. И это великое беспокойство, настигшее его на склоне жизни, пожалуй, и было самой большой наградой за свершенный труд.

Самой щедрой для Черкашина оказалась осень жизни, та самая, приход которой так страшит многих. Он воздвигал свой памятник Пушкину не из бронзы и мрамора. «Третий

памятник» поэту, как метко окрестил творение Черкашина кто-то из друзей, взрастал на бумажных листах.

К старости гаснут желания, блекнут страсти. А тут – только за последние годы жизни – тысячи километров по стране: Минск, Барнаул, Псков, Севастополь, Петербург, Ульяновск, Оренбург. Аудитории самые разные: от продуваемых всеми ветрами корабельных палуб до больничных палат, от «красных уголков» исправительных колоний до уважаемых университетских кафедр.

В Ульяновской исправительно-трудовой колонии, встретив Черкашина, заранее извинились: сами, мол, понимаете, какой у нас контингент, – что им до пушкинского рода, когда они своих отцов-матерей не помнят, от родных детей годами прячутся...

В течение всего рассказа стриженные головы великовозрастных колонистов не шелохнулись, будто дело происходило в какой-то образцовой школе, а урок вел педагог-новатор. Шум все же возник – когда отведенное на лекцию время кончилось и слушателям приказали выйти. «Ну будьте людьми, – кричали они, – дайте же дослушать!»

Как удивительно и хорошо, что в наш рассудочный век, в век очень деловых и очень занятых людей, не перевелись чудачки: искатели исторических кладов, собиратели редкостных коллекций, мастера-реставраторы, путешественники...

Чудачки украшают мир, но мир не жалуется на чудачков. Вот и уникальное родословное древо поэта, составленное Черкашиным, вдвойне уникально, ибо существовало в единственном – рукотворном – экземпляре. При его жизни ни одно отечественное издательство, несмотря на самые авторитетные отзывы и рекомендации, так и не удосужилось обнародовать полное родословие Пушкина. Правда, Черкашину предлагали свои услуги японцы. Он отказался – издание должно появиться прежде всего на Родине!

«...Хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев... Будущий мой биограф, коли Бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться», – писал некогда Пушкин.

И Бог послал Андрея Черкашина. Бог и уберег его, двадцатилетнего, в одной из самых кровопролитных мировых войн, пожалел его и потом – не дал тихой и унылой старости и отвел ровно столько земного бытия, чтобы сумел исследователь завершить свой труд, порадоваться его признанию и передать свое дело единомышленникам.

Директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) А.Н. Иезуитов в свое время так оценил этот труд: «Родословная схема предков и потомков великого русского поэта А. С. Пушкина, разработанная А.А. Черкашиным, впервые представляющая родственные связи поэта, его предков и потомков с исчерпывающей полнотой, имеет большое научное значение и окажет неоценимую помощь пушкинистам в исследовании жизни и творчества поэта...»

Вся Россия дала кровь Пушкину, а пушкинские животворные токи словно пронизали плоть и дух отечественной культуры.

Иным предстал нам поэт, соединенный кровными узами с великими сынами России, открылись потаенные глубины его наследия. И кто знает, какие новые открытия суждено было сделать Андрею Черкашину, какие бы еще молодые побеги выросли на старинном пушкинском древе? Но Бог судил иначе. Шестого мая 1993 года, в день святого Георгия Победоносца, Андрей Черкашин ушел из жизни.

Видимо, в каждом временном отрезке у Пушкина появляются служители и радители его памяти, и эта эстафета таинственным образом передается из поколения в поколение. В XX веке Пушкин обрел одного из самых верных и преданных своих служителей. Временной порог сотрется в столетиях, их имена станут ближе: помянут Александра Пушкина, помянут и Андрея Черкашина. Помянут родослова поэта и будущие генеалоги, и потомки тех прекрасных русских фамилий, чьи имена он сумел вырвать из плена забвения...

Есть некая знаковая система, которую еще нужно постичь и истолковать: Пушкин родился в четверг, в мае, Черкашин умер в четверг, в мае; Пушкина крестили в Елоховском соборе, Черкашина там отпевали. Жизнь поэта отмерена тридцатью семью годами, его генеалогия – в зеркальном отражении – семьдесятю тремя. Поистине, «бывают странные сближения».

В жизни был Андрей Черкашин светлым, лучезарным человеком – свет этот не рассеялся и ныне. Словно свет далекой звезды.

Приди, как дальняя звезда...

На звездном небе появилась новая планета – Черкашин. Такое название, данное в честь составителя самого полного пушкинского родословия, утвердил Международный центр исследования малых планет в Кембридже (США). В высший Совет Центра входят одиннадцать маститых ученых, каждый из которых представляет свою страну. А это – Германия и Аргентина, Россия и Австрия, США и Япония...

Малая планета была открыта астрономом-исследователем Л. И. Черных еще в октябре 1990 года, но свое название получила лишь в январе 2000-го.

Людмила Черных, верно, самая звездная женщина России и Украины. Но ее удел – дарить звезды другим...

Есть такая привилегия у первооткрывателей малых планет – давать им имена. За свою жизнь и Людмила Ивановна, и ее муж Николай Степанович Черных, научные сотрудники Крымской астрофизической обсерватории, что близ Бахчисарая, открыли не одну сотню малых планет. Настоящая «звездная пара»!

Вот только некоторые из открытых и нареченных ими небесных светил: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кутузов. Да ведь это небесное отражение земного пушкинского древа!

...Прежде Андрей Черкашин дарил вычерченные им собственноручно родословия поэта своим друзьям. Да и многим библиотекам, музеям, школам. Когда-то такое же «взращенное» на ватмане пушкинское древо подарил он и Московскому фонду культуры. Но почему-то вместо обычной дарственной надписи подписал: «Нет ничего в мире прекраснее звезд...»

Люди и судьбы. Одним суждено дать свое имя городам, другим – научным открытиям или редким видам растений, в честь третьих именуют острова, проливы и корабли. И лишь немногие, избранные, превращаются в звезды.

За сотни миллионов километров от Земли, в бескрайней Вселенной, где-то между орбитами Марса и Юпитера, свершают свой вечный полет малые планеты, носящие имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гейченко...

И космос, прежде пугавший своей не доступной разуму беспредельностью, становится близким, понятным, даже родным.

...Созвездия, далекие миры, галактики – любимая тема поэтов. Им, как и астрономам, дано предвосхищать свою эпоху. И какой провидческой силой наполнены поэтические строки Василия Жуковского:

...А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.

Теперь в бескрайней Вселенной, в поясе малых планет, где-то между орбитами Марса и Юпитера сияет звезда по имени Черкашин.

Верно, есть в том и высшее признание, и высшая справедливость.

Родоначальник Рюрик

Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества.

А. С. Пушкин

Судьбы людские, подобно ручьям и родникам, сливаются воедино; мелкие речушки впадают в крупные, чтобы, однажды соединившись, превратиться в могучую, полную жизни и красоты реку русской поэзии, имя которой – Пушкин. Пушкинский род, многоколенный и разветвленный, берет начало в седой глубине веков: в VII столетии жили предки Гостомысла, деда Рюрика. Свидетельств тому почти нет, лишь древние сказания сохранили их имена, да за достоверность их поручиться сложно. Отсчет же «годовых колец» пушкинского генеалогического древа совпадает по времени с IX веком – началом русской государственности. В те достопамятные времена, как некогда считалось, приглашенные из-за моря три брата-варяга – Рюрик, Синеус и Трувор – и положили начало славянскому государству на севере – в Новгородской Руси.

«Откуда есть пошла русская земля»

Вот они, строки древнерусского летописца, породившие за столетия столько споров, домыслов и кривотолков, вплоть до пресловутой «норманнской теории» – гипотезы о создании Русского государства иноземцами.

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка¹ в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля...»

Трактовались летописные строки так: славяне в далеком IX столетии, дабы пресечь ссоры и вечные раздоры между собой и навести порядок в своих землях, обратились за помощью к варягам, т. е. к скандинавам, норманнам, силами коих и было создано Древнерусское государство. Примерно так, достаточно вольно, толковали российскую историю иноземные ученые мужи, члены Петербургской академии наук, прибывшие в Россию в XVIII столетии. Они не дали себе особого труда вникнуть в смысл слов, изменивших за века свое значение: к примеру, в летописи слово «наряд» означает не столько «порядок», сколько «ряд» – договор с кем-либо, в данном случае с воинами об охране города и посадов от врагов.

И у Пушкина в «Борисе Годунове» князь Воротынский обращается к Шуйскому со словами: «Наряжены мы вместе город ведать...» Так что иногда стоит, как писал поэт, «рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла обветшалого языка...»

За искажение русской истории ее сочинители – А.Л. Шлецер, Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер не единожды подвергались уничижающей и вполне справедливой критике. М.В. Ломоносов не без иронии замечал, что у Миллера «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют... Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». Михайла Васильевич остроумно заключал: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они... говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князям славенским и для того в Россию призван на владение, сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно».

Удивительно живучей оказалась «норманнская теория». Причина понятна: во все времена многие монархи пытались вывести свои родословия либо от богов, как в Древнем мире, или хотя бы от знатных пришлых иноземцев, дабы отделиться тем самым от своих подданных, возвыситься над ними. Многие родовитые люди на Руси искали корни своего родословия не в родной земле, а на чужбине, называя своих предков пришельцами из других стран – варягами, пруссами. Не чужды были подобного тщеславия и русские князья – Рюриковичи, и летописцы, возможно вынужденно, шли на подлог, даже на подчистки и исправления древних текстов. Кстати, русские историки XVII–XVIII веков в угоду династическим «вкусам» Романовых возводили их род от прусского владетеля, потомок коего Гланда-Камбила в конце XIII века бежал от тевтонских рыцарей в Новгородскую Русь. Что в этой легенде

---

¹ В древнерусском тексте летописи: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

не вызывает сомнения, так это постоянная, многовековая миграция западных балтийских славян-прусов (поруссов) на восток, к своим родичам.

Если варягов, упоминаемых в летописи, считать норманнами, германцами, то есть викингами, снискавшими печальную славу морских разбойников, то в IX веке ни об их государстве, ни об их городах истории ничего не известно. Лишь редкие и малочисленные их селения ютились на берегу неласкового северного моря. Зато именно Русь сами викинги называли в своих сагах Гардарикой – страной городов, а арабские путешественники и историки, описывая их многочисленность и богатство, наносили на дошедшие до нас карты.

Пушкин в «Очерке истории Украины» писал: «Славяне – исконные обитатели этой обширной страны. Города Киев, Чернигов и Любеч так же древни, как Новгород Великий, вольный торговый город, основание которого восходит к первым векам нашей эры».

И зачатки государственности у славян сложились гораздо раньше IX века, до пресловутого прихода варягов на княжение. Ни викинги, ни норманны, судя по историческим хроникам, не помышляли создавать где-либо государственный «порядок». Цели у этих мореплавателей были иными – отыскать на побережье богатые селения, убить или пленить их жителей, захватить с собой как можно больше богатств.

Известно, что, когда норманны (викинги), гроза всей Европы, в начале XI в. достигли Средиземноморья, жители южного побережья истово молились: «Избави нас, Боже, от неистовства норманнов» («*A furore normannorum libera nos, Domine*»).

Не много нашлось русских историков, устоявших от соблазна идти по легкому и, казалось бы, выверенному по летописным источникам пути. Но всегда ли объективно оценивались исторические события летописцами, все ли они, подобно пушкинскому Пимену, свидетельствовали о былом, «не мудрствуя лукаво»? Ведь Нестор переписывал, а точнее, редактировал «Повесть временных лет», когда его отделяли от тех, уже давних, событий почти два с лишним столетия, а ведь и до него над рукописью трудились летописцы. Да и писал он в Киеве о делах, происходивших на севере Руси и, следовательно, не столь хорошо ему ведомых.

Нелишне напомнить, что в XII столетии летописный свод Нестора дважды переписывался. Последняя, третья, его редакция относится к 1118 году – времени правления Владимира Мономаха.

«Племя древнего варяга»

«Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие все-российское, и с него справедливо начинают русскую историю», – считал известный историк С.М. Соловьев.

Итак, кто же такие варяги, откуда они? Обратимся к летописи. Нестор отличает варягов-русь от шведов, норманнов (норвежцев), англичан, немцев. Интересно и то, что ни английские, ни шведские, ни датские историки нигде не зовут разбойников северных морей варягами, а только норманнами и викингами. Еще Ломоносов считал варягов-русь жителями южного побережья Балтийского моря и не без иронии замечал, что норманнские историки такого замечательного события, как призвание их соотечественников на княжение, не пропустили бы.

В VIII веке многочисленные славянские племена – полабцы, глиняне, бодричи, лютичи, вагры, считавшиеся хорошими мореходами, воинами и земледельцами, селились по южному берегу Балтики, в долинах рек Лабы и Одры (ныне Эльба и Одер). Часть племен объединял могущественный бодричский племенной союз. Позже, под натиском германцев, полабско-балтийские славяне были либо истреблены и вытеснены с их исконных земель, либо онемечены. С тех незапамятных времен лишь лужичане (лужицкие сорбы, южные соседи полабских славян, и поныне живущие на территории Германии) смогли сохранить свою культуру и обычаи.

Русский историк Александр Федорович Гильфердинг² в своем труде «История балтийских славян», изданном в Санкт-Петербурге в 1874 году, писал, что вся история западных славян и пруссов почти недоступна исследователям, так как письменность этих народов потеряна, города и селения переименованы: Липица стала Лейпцигом, Лаба – Эльбой, Сторелец – Бранденбургом, Руян – Рюгеном – и так до трехсот названий. Он утверждал, что в IX и X веках на всем берегу Балтийского моря ни слова не говорилось по-немецки, а в XIV столетии немецкий язык стал господствующим на всем побережье.

С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» подтверждал, что «под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских; на востоке у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей...»

Этимология слова «варяг» теперь затемнена. На многих языках оно означало «воин», «моряк», «пират». И у Льва Николаевича Гумилева читаем: «Биография Рюрика непроста. По «профессии» он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению – рус. Кажется, у него были связи с южной Прибалтикой».

И совсем по-иному звучат пушкинские строки: «Не мало нас, наследников Варяга...» В черновиках написанной Пушкиным в 1832 году поэме «Езерский», по сути – стихотворном переложении собственной родословной, есть такие строки:

...мой Езерский
Происходил от тех вождей
Чей дух воинственный и зверской
Был древле ужасом морей.

---

² О нем, как о гениальном ребенке, подающем большие надежды, упоминала в письмах мать поэта Надежда Осиповна Ганнибал.

А в 1836 году поэт переработал поэму, и этот же отрывок звучит иначе:

...мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.

Изменение значительное, смысловое.

«В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника, некий первобытный дух проникает во все и во всем отзывается, – полагал Пушкин, – ... франки, готфы, бургундцы, англосаксы, датчане, норманцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам»³.

На славянское происхождение Рюрика указывали и дореволюционные историки. Они свидетельствовали, что для славянина невозможно было отвергнуть веру своего народа, а скандинавы, немцы непременно принесли бы с собой протестантскую или католическую веру (как сделали это на Балтике). На Руси же подобного не произошло.

Подытожив все имеющиеся факты и предположения, попробуем реконструировать события более чем тысячелетней давности – «земли родной минувшую судьбу...».

---

³ В пушкинских текстах сохранены орфография и пунктуация автора.

Гостомысл, муж мудрый и храбрый

*Славянские ль ручьи сольются в русском море?
А.С. Пушкин*

Посадник Новгородский

«Гостомыслову могилу грозную вижу». Поэтическая пушкинская строка. Фантастическая по своей силе и провидению. Знать бы поэту, что задуманный им стих обращен к его очень далекому предку. И еще упоминание о нем сохранилось в прозаическом пушкинском наследии: «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор... и странствующий купец равны перед законами критики...»

Гостомысл – посадник новгородский в IX столетии. История сохранила не только его имя, но и праведные дела, недаром прозван он был Благоразумным. «Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людям любим, расправы ради правосудия...» – так сказано о нем в Иоакимовской летописи. Имел он четверых сыновей (все они пали в ратных боях) и трех дочерей. Одна из них, Умила, стала женой бодричского князя Годослава-Годлава и матерью Рюрика.

В творческих планах поэта приводится и легендарная генеалогия Гостомысла, что еще раз подтверждает, как глубоко Пушкин стремился постичь истоки древнего славянского рода: «Славен оснует город Славянск. Вандал, сын его; Гардорик и Гунигар, завоеватели. Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде, сыновья его. Буривой, сын Владимира, отец Гостомысла».

В старинном русском сказе упоминается об удивительном сне Гостомысла: будто видел он, как «из чрева средние дочери его – Умилы» выросло чудесное дерево и дало плод, от которого «насысчасуся людие всея земли». Воистину, пророческий то был сон.

Известно, что матерью Годлава тоже была славянка, дочь легендарного князя Рандвера Ратиборовича, а его отцом – вагрский князь Гальфдан (вагры – племя балтийских славян).

Существует интересная гипотеза: варягами могли называть вагров, балтийских славян, которые несли пограничную сторожевую службу. Само слово «отвага» обязано своим происхождением храбрым воинственным ваграм.

«Мимо острова Буяна»

Знакомство с историей балтийских славян проливает свет на происхождение Рюрика. Бодричи⁴, обосновавшиеся на южном побережье Балтийского моря (тогда Венедского залива – по общему для всех славян имени – венеды), именовали себя «рарогами», «руриками». Этим словом и теперь чехи, поляки и украинцы называют птицу семейства соколиных. На древнем санскрите «рарог» означает храбрый. Храбрый, как сокол! Есть свидетельства, что сокол был древнейшим славянским тотемом, изображали его и на древнерусских княжеских гербах. Бодричи поклонялись Световиту (Святовиту) – западнославянскому божеству неба и солнца, «богу богов».

Да сохраняют тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный...

Святилище Световита находилось на острове Руяне⁵, в русских сказках именуемом Буяном.

Причудливая цепочка потомков Годослава через девять столетий протянется в XVIII век, на исходе которого родится великий поэт Александр Пушкин. А он будто бы знал об истоках своего рода (догадывался ли, предполагал ли, кто знает, а может, это нам хочется, чтобы так оно было?) – и совсем иным смыслом наполняются знакомые с детства строки:

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.

Фантастично, не правда ли? Александр Пушкин называет сказочный Буян – возможную родину его пращуров: ведь именно от Рюрика и вели многие русские фамилии свои родословные, и Пушкины в их числе. Да и сам поэт знал о родовых связях с Рюриковичами, о древности фамильного древа: «Род мой один из самых старинных дворянских». Ведомо ему было и семейное предание: по женскому колену (а родство идет через прабабушку С.Ю. Ржевскую) был он «Рюриковой крови».

Любопытно, что в черновых набросках к одной повести Пушкин от имени своего героя упоминает о «тысячелетнем дворянстве»: «Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха —... корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей... Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом <...> но очарование древностью, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу Историю. Но едва ли мы вслушались – Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди, или

---

⁴ *Бодричи*, или ободриты – племена западных славян, живших в бассейне реки Лабы (Эльбы). Бодричи уже в VI–VIII веках имели князей, дружину и совершали походы на соседей.

⁵ Ныне немецкий остров Рюген близ южного побережья Балтийского моря.

балами двоюродной сестры – <заметьте> что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

В пору знаменитой Болдинской осени Пушкин приступил к «Истории села Горюхина»: «...я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из Отечественной Истории. Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика...» В планах недописанной им повести осталась весьма примечательная строка: «Родословная моя, мысль писать историю». Совпадение, как кажется, не случайное.

Но обратимся вновь к событиям тысячелетней давности. Далекий предок Пушкина Годлав погибает в главном городе бодричей Рароге от рук шведского короля, и трое его сыновей отправляются в иные края, поближе к своим родичам, ведь дед их Гостомysl – новгородский старейшина. Рюрик, «убрашася от немец», как повествует Холмогорская летопись, пришел на Ладогу и основал там крепость задолго до 862 года. Следует вдуматься в эту летописную строку! В ней – ключ к тайнам старины.

И когда решили славяне поискать себе князя, их выбор (и, по-видимому, не случайно) пал на Рюрика: его знали как достойного мужа и храброго воина. Вернее всего, призван он был не из-за моря Балтийского, как считалось ранее, а из-за Ладоги. В древности многие озера назывались морями, в том числе и Ладога (море Нево).

И умирающий Гостомysl обратил свои надежды к внуку, видя в нем достойного преемника и продолжателя своего дела, ведь Рюрик со своей дружиной охранял подступы к Новгороду со стороны Ладоги. И от Ладоги до Новгорода не более 200 верст пути вверх по течению Волхова.

Вероятно, если бы новгородцы действительно отправились за чужеземное море звать себе князей, это событие нашло бы отражение и в скандинавских сагах, и в русских летописях – дело ведь нешуточное...

«И прия власть Рюрикъ»

Итак, Рюрик прибывает со своею дружиною в Новгород. Он свободно владеет славянским языком и общается с новгородцами без толмачей. И при всем том поклоняется славянскому верховному богу-громовержцу Перуну, а не Одину – главе скандинавского божественного пантеона, как все норманны. Неужели после появления Рюрика со своим войском, будь он шведом, датчанином или норвежцем, в русском языке не осталось бы следов иноязычных слов? Язык – самый беспристрастный историограф, он, подобно лакмусовой бумажке, реагирует на все социальные и экономические явления, происходящие в обществе. Да и откуда им было взяться, чужим словам и обычаям, если варяги-русь были славянами?

Сам Александр Сергеевич полагал, что «язык славянорусской имеет неоспоримое преемство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива».

Есть еще одно поистине бесценное свидетельство о языковой общности славян и варягов-русь. Летописец Нестор оставил такую запись: «А словеньскый языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа речъ бе». Опять ключ к тайнам! Но его многие историки прошлого будто не замечали...

Существует и другая довольно убедительная версия, подтверждающая, что варяги-русь, а значит, и Рюрик – славянского происхождения. Еще в 1858 году русский историк Александр Васильев в книге «О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его варяги» привел немало любопытных исторических фактов в подтверждение своей версии: Рюрик, его братья и вся дружина были русы, славяне, и жили они у озера Ильмень, по берегам рек Варанды и Варяжи, имели с новгородцами общий язык и происхождение. От реки Варяжи (Воряжи), впадающей в Ильмень, и пошло название племени – «варяги», что логично и не противоречит древним обычаям нарекать племена «реки ради». «Во всех летописях мы читаем, – пишет историк, – и пришедше Словени седоша около озера Ильменя и нарекошеся Русь, реки ради Русы еже впадаетъ въ озеро».

В молодые годы Александр Пушкин зачитывался «Историей государства Российского» Карамзина, только что увидевшей тогда свет. Прочел ее, по его же словам, «с жадностию и со вниманием». «Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом», – заметил поэт.

Кстати, Пушкины упоминаются в «Истории государства Российского» двадцать один раз!

И под пером Карамзина
Родною славою прозвучало...

В пушкинских воспоминаниях о Карамзине есть и такие слова: «Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек умный и пылкий, разобрал предисловие... Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале Истории не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал романа в истории – ново и смело!»

В истории правда превыше всего – вот главное для Пушкина. Историческая наука начала XIX столетия не располагала еще многими достоверными фактами и свидетельствами, полученными лишь в недавнее время и способными опровергнуть «норманскую теорию».

Под впечатлением «Истории» Карамзина, которую поэт называл «подвигом честного человека», а возможно, и трудов Татищева (его более ранней «Истории Российской с древ-

нейших времен)), Александр Пушкин пишет поэму «Вадим», к великому сожалению, так и не оконченную.

Летописные сказания сохранили имя Вадима Храброго, славянского князя, восставшего против варяга Рюрика и убитого им. Никоновская летопись указывает даже год восстания – 864-й. Пленителен и благороден у Пушкина облик юного князя, первым дерзнувшего подняться за «славянскую свободу».

На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы золотые,
Волнами падшие до плеч...

Если следовать единственно признанной в пушкинскую эпоху версии о призвании варягов на Русь, все логично: Вадим восстает против завоевателей, готов «умереть за свободу Новгорода».

Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина;
Он узнает ее щиты...

И нет ни малейшего сомнения, что так бы оно и было: свободолюбивые славяне, «народ нетерпеливый, старинной вольности питомец горделивый», изгнали бы чужеземцев, чему подтверждением и пушкинская поэма.

Вероятнее всего, борьба Вадима с Рюриком – это те самые княжеские усобицы и распри, которыми столь изобилует древнерусская история, – «и вьста родъ на родъ», «воевати почаша сами на ся...».

...Славян кровавые скрижали...

Историкам будущего еще предстоит расчистить напластования поздних эпох, чтобы восстановить истинный смысл деяний наших пращуров. А значит – создать научно достоверную картину становления российской государственности.

Первый славянский князь Рюрик. Его далекий потомок Александр Пушкин написал однажды строки, равнозначные целой поэме: «...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

«Во славу Руси ратной»

*Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

Вещий Олег

Сын Рюрика Игорь лишился отца в младенчестве. Рюрик умер в 879 году – сыну его в ту пору было не более двух лет. Известий о точной дате его рождения нет, вероятнее всего, это 877–878 годы.

По свидетельству летописи, Рюрик перед смертью передал правление своему родственнику Олегу, назначив его опекуном малолетнего сына.

Летопись повествует, как князь Олег, прозванный Вещим, со своими воинами – славянами, чудью, меря, кривичами, варягами – прошел из Новгорода по пути «из варяг в греки», взяв в 882 году Смоленск, город днепровских кривичей, и Любеч. Посадив там своих «мужей», он «приидоша» к Киеву.

В том же 882 году хитростью заманил Олег в свой лагерь правивших тогда в Киеве князей Аскольда и Дира. Там, на высокой днепровской круче, они и приняли свою неожиданную смерть. По летописи, Олег будто попрекнул Аскольда и Дира, что они не князья и «не княжеского роду», и вынес к пленникам малолетнего Игоря со словами: «Вот он, сын Рюрика».

Со смертью князей-соперников Олег становится могущественным киевским владыкой. «И сел Олег, княжа в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». Олег, взимая дань со многих славянских племен, объединил под своей властью древлян, северян, радимичей (С.М. Соловьев называет его «собирателем племен»). Он же, князь-нарядник, «нача города ставити» и «боронить» русские земли от «ворогов». Отомстил Олег и «неразумным хозарам» – борьба с ними закончилась освобождением радимичей и северян от «хозарской» дани.

В 907 году князь совершил свой знаменитый поход в Византию: «...поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде къ Царюграду...»

Византийцы, напуганные вторжением столь могучего войска, без сражения запросили мира, и он был принят русскими – «и заповеда Олегъ дань даяти...».

Договор, заключенный с Византией в 911 году (кстати, это первый на Руси известный письменный памятник), сулил большие выгоды русским, благоприятствовал торговле и мореплаванию.

Знаменательно и то, что «варяг» Олег, обещая блюсти договор, клялся, по славянскому обычаю, оружием и богом Перуном. А сам договор Руси с Византией начинался словами: «Мы от рода русьскаго...» Летописные страницы поведали, как победитель Олег прибил свой щит на воротах столицы Византии.

Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

«...Разные славянские племена, принявшие имя русских, умножили войска своих победителей. Они завладели Киевом; Олег обосновал там столицу своих владений.

Варяго-русы стали ужасом Восточно-Римской империи, и их дикий флот не раз угрожал богатой и слабой Византии. Она, не в состоянии отражать их набеги силой оружия, льстила себя тем, что связала их ярмом религии». Эти пушкинские строки – еще одно подтверждение тому, как глубоко знал поэт отечественную историю.

Победой прославлено имя твое...

...На ладьях, тяжело груженных серебром и заморским товаром, воротился Олег с дружиной в Киев. «...И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами».

Умер Олег в 912 году, прокняжив тридцать три года. По сказанию Львовской летописи, погиб князь от укуса змеи, таившейся в черепе некогда любимого им коня.

Деяния Олеговы и сама смерть его воспеты Пушкиным. «Тебе кажется Олег не нравится; напрасно, – спорил поэт с Александром Бестужевым. – Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе— есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Князь Игорь

Год смерти Олега – 912-й – становится началом фактического княжения Игоря Рюриковича, хотя Игорь и считался великим князем с 879 года – года смерти отца.

«Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников государя великого или презирают недостойных», – полагал Н.М. Карамзин.

Игорь продолжил великое дело объединения земель, начатое его отцом и Олегом. За время княжения он подчинил своей власти тиверцев и уличей (их земли стали частью Киевского государства), подавил восстание древлян (восточных славян Полесья и Правобережной Украины), которые после Олеговой смерти не замедлили отделиться от Киева.

Дважды (в 941 и 944 гг.) Игорь совершал походы на Византию. Первый из них закончился жестоким поражением: русская флотилия была сожжена «греческим огнем» у стен Царьграда.

Но уже через три года после неудачного похода Игорь, вновь собрав огромное войско, двинулся на Византию. На сей раз нарушенный договор был восстановлен, и, как прежде, Византия обязывалась платить Руси дань, «иже имал Олег». Впервые в договоре с Византией 945 года Древнерусское государство именовалось Русской землей – «знак большей твердости в отношениях к стране, теснейшей связи с нею».

Игорю, первому из русских князей, пришлось столкнуться с воинственным племенем печенегов. «Русские, ставшие грозой для самых далеких народов, сами подвергались нашествиям своих соседей болгар, печенегов и половцев», – справедливо заметил Пушкин. Правда, в 915 году, когда кочевники-печенеги только появились в русских землях, князь заключил с ними мир. Но уже через пять лет Игоревы дружины мерились силой мечей и быстротой коней с воинственным племенем.

Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей...

Игорь, как и Олег, прокняжил на Руси ровно 33 года. Осенью 945 года Игорь с дружиной отправился в земли древлян, где собрал с племени обильную дань. Но показалась она Игорю и его дружинникам малой, и тогда отправил он добро под надежной охраной в Киев, сам же вернулся к древлянам за новой данью. И собрались на совет во главе с князем Малом обиженные древляне, и порешили так: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит».

Решение древлянских мужей стало для князя роковым. Византиец Лев Диакон поведал об ужасной казни Игоря: мучители привязали его к двум согнутым деревьям, и те, распрямившись, разорвали тело на две части. «...Судьба определила ему погибнуть от своего неблагоприятия», – так заключил Карамзин жизнеописание князя.

...В сентябре 1827 года приятель поэта А.Н. Вульф записал в своем дневнике: «Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории...»

Великая княгиня

*Предание нарекло Ольгу Хитрою, церковь Святою, история
Мудрою.
Н. М. Карамзин*

Воительница

Сумрачны и суровы древлянские леса. Редкие солнечные лучи, чудом пробившиеся сквозь лесную чащобу, серебром вспыхивают на остриях пик и шлемов, веселыми «зайчиками» отражаются от высоких щитов... В 946 году огромное войско, ведомое киевской княгиней Ольгой, вступило в Древлянскую землю.

Грозная княгиня-мстительница восседала на белом красавце скакуне, а чуть поодаль от нее, крепко вцепившись в поводья боевого коня, гарцевал маленький всадник – единственный сын Ольги, Святослав, надежда ее и отрада.

Радовалась и печалилась Ольга, глядя на маленького княжича. Будто в ратных доспехах он и родился – так ладно сидит на нем кольчужка, так ловко подогнан к детской головке шлем. Настоящим воином растет сын. И лишь льняные пряди волос, кольцами выбившиеся из-под шлема, выдают возраст Святослава – «бе бо детескъ» еще княжич.

Мрачны думы княгини. Принял князь смерть мученическую от древлян. Нет больше Игоря, нет у нее мужа, у сына – отца, у киевлян – великого князя. Не по годам рано примет боевое крещение сын. Не суждено Святославу свидеться с отцом: никогда больше не приласкает Игорь маленького княжича, не посадит его на коня, не обучит всем ратным премудростям. Что ж, она, мать, заменит отца осиротевшему сыну, воспитает его достойным Рюриковичем.

Больно Ольге, словно это ее сердце разорвали на две половинки, и кровоточит оно беспрестанно... Живы в памяти Ольги горькие видения. Не успела оправиться от скорбной вести, не просохли еще слезы на лице ее, как пожаловали на княжий двор послы из Древлянской земли. Нет, не повиниться перед вдовой пришли они – разбередили только раны сердечные своими недостойными речами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, – пойди замуж за князя нашего, за Мала».

Ничем не выдала гнева своего княгиня – повелела киевлянам воздать честь послам. Понесли важных послов к князьему терему в ладье (а те важно восседали в ней, кичливо поглядывая на людей), да так и сбросили древлян вместе с ладьей в приготовленную яму – заживо и погребли. Приняла Киевская земля тех знатных мужей.

Не замедлило явиться следом и второе посольство – очень уж хотелось князю Малу обрести власть и могущество, став мужем киевской княгини. Лучшие из лучших древлянских мужей пришли к Ольге на поклон. Приняла их княгиня ласково, просила после тяжелой дороги в бане помыться, а после и говорить с ней о сватовстве. Знала, что никому из них не суждено более видеть ее: усердные слуги уж обкладывали баню хворостом, подносили огонь к сухим поленьям.

Свечой полыхнул деревянный сруб, взметнулись из него алые языки пламени, вознося к небу отчаянные крики и мольбы. Жаркую, огненную баньку устроила Ольга ненавистным посланникам...

Но гнев княгини, казалось, не ведал границ. Тризна, которую справит Ольга по своему убиенному мужу, будет стоять жизни еще пяти тысячам древлян. Жаждой мести наполнилось,

разгоралось ее сердце. Все думы, все помыслы Ольгины об одном – покарать обидчиков. И пока не исполнит задуманного, не будет сердцу ее покоя. По его зову и привела она рать в Древлянскую землю. Ведомо ей: сын должен отомстить за отца.

... Властно взмахнула Ольга рукой, и Святослав, не спускавший глаз с матери, изо всех сил метнул копье в противника. Копье, пущенное слабой детской рукой, пролетело совсем немного и упало у передних ног коня. И воскликнул воевода: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем!»

Сигнал к бою был подан, и сошлись рати. Под натиском княжеской дружины древляне отступили, заперлись в своих городах. Ольга же с войском осадила город Искоростень, где так бесславно погиб ее муж. Все лето безуспешно осаждали город киевские ратники, и тогда Ольга вновь пошла на хитрость. В знак примирения потребовала она от искоростеньских жителей принести ей от каждого двора по три голубя да по три воробья. Ольгины воины, как только стало темнеть, привязали к лапкам птиц зажженные труты и выпустили их на волю. Птицы полетели к своим гнездам под крыши домов и сараев, и заревом великого пожара озарилось ночное небо над Искоростенем.

Так повествует летописец Нестор в «Повести временных лет» о мести гордой псковитянки Ольги, вдовы великого князя киевского Игоря.

Созидательница

Княгиня Ольга не случайно народной молвой величалась мудрой, вещей. Свершив свой суд, она же установила и разумные пределы дани и сроки ее сбора. «...Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор», – писал почти полтора столетия спустя после правления княгини киевский летописец Нестор.

Не случайно упоминает он о княжьих саях, хранящихся в Пскове. Подаренные Ольгой городу сани – это и своеобразное свидетельство ее власти, и вещественная память о самой великой правительнице – «дней прошлых гордые следы».

Еще недавно неистовствовала грозная княгиня: крушила ненавистные ей рати, испепеляла древлянские города – и вдруг, словно утолив страшную жажду мщения, с таким же жаром взялась за дела государственные, созидательные. Никогда больше не прибегнет она к насилию и разрушению.

То была другая жизнь, другая Ольга, и все, что делала она в той, прежней, своей жизни, согласовывалось с языческим пониманием правды и справедливости. Предстояло долгое и многотрудное восхождение киевской княгини к великому духовному подвигу. И начиналось оно с созидания. Укреплялись древнерусские города, их центры – детинцы и кромы – обносились валами и частоколами, каменными и дубовыми стенами. В правление Ольги появились границы на западе Руси, встали богатырские заставы на южных ее рубежах. А в самом стольном Киеве по велению княгини возвели мастера великолепные каменные палаты – княгинины дворец и терем.

Знал о великих деяниях княгини Ольги, конечно же, и ее далекий потомок Александр Пушкин, чему подтверждением строки из одной его критической статьи: «Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое...»

Прекраса

Кто же она, откуда родом древняя правительница Руси? Первые сведения о ней чрезвычайно скупы. Доподлинно лишь известно, что родилась Ольга на Псковской земле. Ольгой-

Псковитянкой величали ее. Предание называет ее родиной село Выбутово, что в двенадцати верстах от Пскова вверх по реке Великой. «Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова», – так пишет Нестор. «Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбушскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам», – повествует Карамзин.

По другим сведениям, взятым из Иоакимовской летописи, княгиня Ольга происходила из рода изборских князей и принадлежала к одной из забытых княжеских династий (в X–XI вв. их было около двадцати). Род же этот был либо вытеснен Рюриковичами, либо породнился и слился с ними.

Древнерусский город-крепость Изборск (позже он охранял подступы к Пскову) в 862–864 годах был вотчиной Трувора, одного из трех братьев, якобы приглашенных владеть и править Русью. Рюрик, родной брат Трувора, стал княжить в Новгороде после смерти своего деда, новгородского посадника Гостомысла.

Юной Ольге довелось как-то перевозить князя Игоря на лодке через реку Великую. Видимо, не только красота девушки, но и ее речи, не по летам разумные, увлекли молодого князя. И стала псковитянка Ольга, Ольга Прекраса, женой великого князя киевского Игоря Рюриковича.

Неизвестен точный год рождения Ольги. Предполагают, что родилась она в 883–890 годах. Свидетельства в летописных источниках крайне противоречивы. В «Степенной книге», где описывается романтическое знакомство Ольги и Игоря на реке Великой, упоминается о физической силе молодой перевозчицы. Значит, было ей в ту пору не менее 17–20 лет. А в «Устюжском летописце» говорится, что Игорь взял в жены Ольгу, когда той исполнилось всего десять лет. Ничего удивительного в том не было: столь ранние браки случались в Древней Руси. И брак этот был долгим: сорок два года прожила в любви и согласии княжеская чета. Следовательно, женой Игоря Ольга могла стать в 903 году.

И все же большинство исследователей (в их числе и академик Б.А. Рыбаков) склонны полагать, что в 945 году, когда древляне убили князя Игоря, Ольга была еще молодой. Да и сына ее Святослава летописи в 946 году именуют ребенком. Ближе и понятнее тогда женская судьба княгини Ольги, летописные сказания о ее необычайной красоте, покоровшей сердце византийского цесаря.

Вещая Ольга радела о расцвете земли Русской, ее могуществе и красоте. Деяния княгини в столетиях обратились легендами...

То были тайные преданья
Сердечной, темной старины...

«Иде Ольга в греки»

Одно событие в жизни Ольги искупило все былые ее прегрешения – княгиня приняла крещение. Пролитая киевской правительницей кровь древлян прощена ей православной церковью – ведь язычница Ольга не ведала в те годы христианства.

Историк Карамзин предполагал, что Ольга в Киеве «могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения».

Знаменательной стала поездка Ольги в Константинополь. Исторически достоверны и пушкинские строки – Константинополь (Царьград) был святым городом для первых русских христиан:

При Ольге сын его Варлаф
Приял крещенье в Цареграде...

Вот как о том давнем путешествии киевской княгини повествует летопись: «В год 6463 (955) отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседа с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом... И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого...»

«После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки⁶, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своей дочерью...»⁷

Елена – христианское имя, данное в крещении киевской княгине Ольге. И то, что она стала им называться, не было случайным. Это имя носила достойная предшественница Ольги – первая христианская царица. Святая Елена особо почиталась в православном мире – ведь это она восьмидесятипятилетней старицей отправилась в далекое путешествие в Святую Землю и сумела найти там главные христианские святыни – Вифлеемскую пещеру и животворящий Крест. Через пять с лишним столетий киевской княгине суждено было повторить духовный путь святой царицы – стать первой русской христианкой.

Достоверно не известно, приняла ли Ольга крещение в Византии либо прибыла туда уже христианкой (сопровождал ее священник Григорий, ездила с Ольгой в Царьград и Малуша, мать будущего крестителя Руси Владимира), крестившись еще в Киеве, до поездки. Но то, что Ольге, «архонтисе русов» – повелительнице русичей, как величали ее в византийских хрониках, был оказан достойный прием в столице, – вне сомнения.

Константин VII принимал русскую княгиню в самом парадном зале своего дворца, восседая на роскошном «троне Соломона». И когда Ольга со своей свитой вошла в зал, золотые

---

⁶ Паволоки – византийские шелковые ткани.

⁷ Константин VII ко времени визита Ольги был женат. Как полагают, Ольга вела переговоры о невесте для Святослава, истолкованные летописцем как неудачное сватовство императора.

птицы, сидевшие на золотом древе, запели, а золотые львы, украшавшие подножие трона, издали приветственный рык.

«На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий...» – описывает Карамзин данный в честь Ольги великолепный обед.

Золотое блюдо княгиня пожертвовала в ризницу Софийского собора. Вот каким было оно, по свидетельству паломника Добрыни Ядрейковича: «Блюдо велико злато, служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивше ко Царюгороду; во блюде же Ольжине камень драгий, на том же камени написан Христос». Дар этот мог быть крестильным вкладом киевской княгини.

И для Ольги настала новая, исполненная высшего духовного смысла жизнь. Стараниями благоверной княгини были воздвигнуты на Руси первые христианские храмы в Киеве, в Витебске, в Пскове. «Семена были посеяны», – как писал поэт.

Правила Ольга государством двенадцать лет, до 957 года, – к тому времени попрос ее любимый сын Святослав.

«Начальница веры»

Сын, несмотря на увещевания матери, первой русской княгини, принявшей христианство, крещения не принял. Более всего страшился отважный князь-ратник насмешек своей любимой дружины. Да и не о христианстве радел юный Святослав. Влекли его совсем другие думы и заботы: и во сне, и наяву грезил он теплой, ласковой землей Болгарии. Виделась ему могущественная славянская держава, простиравшаяся до голубого Дуная.

Сбылись мечтания Святослава – стал он княжить в Переяславце. Но беспокойно было в Киеве. Осиротел стольный град без князя-защитника. Точно воронье, слетелись под киевские стены печенежские орды. Заперли киевляне ворота – замер город, затаился.

Весь Киев новою тревогой
Смутился! Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Вместе с киевлянами переживала Ольга великие бедствия: кончились припасы еды и питья в осажденном граде, и настал в нем страшный голод. Душой исстрадалась княгиня за своих малолетних внуков – Ярополка, Олега и Владимира.

Донеслись и до Святослава горькие упреки киевлян: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул... Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?»

Вихрем налетел Святослав на вражеские орды, «прогнал печенегов в поле, и наступил мир».

Не сиделось князю в стольном Киеве, не житье вольной птице в золоченой клетке. Вновь затосковал Святослав о «середине земли», куда «стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха и воск...». Горестно вздыхала старая княгиня-мать, слушая горячие речи своего сына. Об одном лишь просила его: «Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?... Когда похоронишь меня – отправляйся куда захочешь».

Предчувствия благоверной княгини сбылись. Ровно через три дня, 11 июля 969 года, не стало мудрой правительницы Руси, «начальницы веры». И «плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди».

Похоронили Ольгу, как она и завещала, по христианскому обычаю, не совершая по ней тризны. В «Похвале Ольге», написанной в год ее кончины, летописец величает княгиню денницей пред солнцем и зарей пред светом.

Не отрекся от язычества сын-воин Святослав, но оставили Ольгины речи след в душе ее внука Владимира, будущего князя киевского Красное Солнышко. И когда пришлось стоять князю перед великим выбором – какую веру принять Руси, вспомнились слова, что гова-

ривали ему верные бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей».

От Ольги, нареченной православной церковью равноапостольной, раскинулось плодородное древо. Много славных родов дало оно, немало достойных в российской истории имен «взошло» на нем – князей, просветителей, воевод. Сбылись пророческие слова патриарха Константинопольского Феофилакта, сказанные Ольге после ее крещения: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков».

И одному из них, ее далекому потомку, поэту Александру Пушкину, соединенному со святой Ольгой тридцатью коленами родства, будет дарована величайшая, поистине всемирная слава.

Первая русская христианка – и первый поэт России. Какие незримые и нерасторжимые узы связали их – поэта и древнерусскую княгиню, стоявшую у истоков его родословия. И есть в том некая сокровенная тайна, что свое последнее пристанище, свой «милый предел» обретет Пушкин в Святых Горах, на Псковской земле. На земле, осененной именем святой и прекрасной женщины – княгини Ольги...

Имя древней русской княгини не затерялось в веках, не исчезло бесследно. Теплилась память о ней в народе, как и лампы у ее икон.

Но во дни народных бедствий и смут случалось чудо: лучи Ольгиной славы, потускневшие было за столетия, разгорались с новой, невиданной силой. Сколько же матерей, невест и вдов находили утешение, обращая свои молитвы к святой Ольге. Благоверная княгиня, праведница, целомудренная жена – идеал верности и единобрачия в Древней Руси...

Сын Ольги и Игоря – князь Святослав продолжил род Рюриковичей.

«Древний удалец»

Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.

А.С. Пушкин

«Аки пардусъ»

Святослав – князь-воин, с детства принявший боевое крещение, – остался в памяти поколений мужественным, открытым, честным. Характер его закалился в бесчисленных ратных битвах и походах.

«Мечом раздвинувший пределы богатых киевских полей» – эти пушкинские строки как нельзя лучше соотносятся с величием воинских подвигов Святослава.

«...Легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше». (Легко ходил в походах, как барс, и много воевал.) Воевал Святослав налегке, с отборной дружиной, не возил за собой ни шатров, ни котлов, мясо пек на углях, под голову, как и все его воины, клал седло. Прямым и честным Святослав был во всем – и в войне, и в дружбе. «Хочю на вы ити» – века сохранили грозное княжье слово, его открытый вызов врагам.

Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.

Святославовы дружины прошли от Киева до полноводной Волги и заоблачных хребтов Северного Кавказа – широко простерлись границы Киевского государства. Через семь лет после принятия княжеского сана Святослав направил свое войско в междуречье Волги и Оки – исконные земли славянского племени вятичей, освободил их от хазарской дани, а вятичские земли присоединил к Киеву. Святославова рать разбила волжско-камских болгар и пошла войной на Хазарский каганат. В страхе бежали хазарские воины от «пардуса» Святослава, поверженной легла к ногам победителя столица Хазарского каганата Итиль. Отсюда, с каспийских берегов, путь киевской рати лежал к северным отрогам Кавказских гор, где власти Святослава покорились племена ясов⁸ и касогов⁹. Тяжелейший трехтысячекилометровый поход княжеской дружины завершился созданием на берегах Азова древнерусского Тмутараканского княжества.

«Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?» – вопрошал Александр Пушкин.

...Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной...

---

⁸ Ясы – название предков осетин в русских летописях.

⁹ Касоги – название адыгов (по другим сведениям – черкесов) в русских летописях.

«Середа земли»

Взоры Святослава обращены теперь к Болгарии и Византии. Дерзновенная мысль не дает покоя его душе: возмечтал князь о могущественной славянской державе, простирающейся от Днепра до Дуная. По Днепру на ладьях спустилось десятитысячное русское войско к морю и, пройдя вдоль его берега, через дунайское устье, поднялось вверх по реке. И вновь воинское счастье не изменило Святославу: в короткий срок вся Восточная Болгария покорилась ему.

Победы русского войска устроили Византию, и, верный древнему имперскому завету «разделяй и властвуй», византийский правитель Никифор Фока¹⁰ затеял переговоры с вождами печенегов и вскоре добился желаемого: печенежские орды осадили Киев. Святослав с войском не замедлил поспешить на помощь киевлянам.

По-прежнему неудержимо влечет князя к себе Дунай, его мечтания и надежды – «середа земли». И тотчас после смерти Ольги, устроив все княжеские дела и оставив во власти сыновей русские земли, отправляется Святослав в долгий и нелегкий обратный путь.

Не завоевателем Болгарии шел Святослав – Византия с ненавистью поглядывала на соседнюю страну. Болгары стали союзниками русов. Русско-болгарское войско, куда влились отряды венгров и печенегов, двинулось в наступление.

Вот уже остались позади Балканы и северная византийская граница. Княжеская дружина вступила в Долину Роз, красивейшую из всех земных долин. Взят был Филиппополь (Пловдив), и до Царьграда оставалось четыре дня пути. И Святослав послал уже византийцам свое грозное послание: «Хочю на вы ити».

Но под Аркадиополем, хоть и храбро дрались русские, дрогнули ряды венгров и печенегов в княжеском войске, и битва была проиграна.

По преданию, сто тысяч греков (византийцев) бились с десятью тысячами русских – вдесятером на одного. И воззвал Святослав к дружине: «Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина!»

Пришлось отступить князю. Святославово воинство надежно укрылось в Доростоле. На Дунае, у стен города, стоял ладейный флот Святослава.

Византийский император Иоанн Цимисхий¹¹, встревоженный, что Святослав стремится закрепиться на Дунае, перешел в наступление; взяты были Великий Преслав, Плиска, пленен болгарский царь Борис.

Под городом Доростолом в 971 году Святославовой рати в союзе с болгарскими воинами предстояло великое сражение с многотысячной армией Цимисхия. «Россы, приобретшие славу победителей у соседних народов, почитая ужасным бедствием лишиться оной и быть побежденными, сражались отчаянно. Римляне, побеждавшие всех врагов своим оружием и своей доблестью, так же стыдились быть побежденными... Питая в себе такие мысли, оба войска сражались очень храбро...» – так свидетельствовал византийский историк Лев Диакон.

Русские укрылись в Доростоле. Византийцы осадили город. Два месяца император Цимисхий безнадежно атаковал Доростол. Решающий бой замыслил дать Святослав 20 июля 971 года, в день Перуна. Собрал князь свою дружину, поклонился ей, обратился с напутственным словом: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так

¹⁰ Византийский император Никифор Фока (963–969). Был зарублен своим двоюродным братом Иоанном Цимисхием 10 декабря 969 г. На гробнице Никифора Фоки были выбиты стихотворные строки о походе Святослава: «На нас устремилось русское всеоружие...»

¹¹ Иоанн Цимисхий становится императором Византии с 969 г.

не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора («мертвыи бо срама не имамъ»). Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим».

...Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!

Что могло быть горше для мужественного пращура поэта? Этого же более всего опасался и сам Пушкин.

...Русские полки вышли из крепости, построились в боевую фалангу и, выставив вперед копья, устремились на византийцев. Падали наземь кони, сраженные русскими стрелами, а всадников кололи длинными копьями. С победными криками стали теснить дружинники византийцев. Сам Цимисхий пришел на помощь своим войскам. Окруженный отрядом «бессмертных» – самых знатных и лучших своих воинов, он ринулся в бой. Внезапно налетела буря с дождем, клубы поднявшейся пыли запорошили глаза дружинникам – словно сама природа пришла на помощь византийцам.

Отважно рубились Святославовы воины, немало смельчаков полегло в том бою. Но не пришла желанная победа, не было и бесславного поражения. Русичи прорвали кольцо противника и вновь укрылись за стенами Доростола.

И понял тогда Цимисхий – не взять русских силой. Нужно вести с князем переговоры о мире.

К дунайскому берегу, в окружении знатных всадников, на статном скакуне, весь в сверкающих золотом доспехах, подъехал император Византии. В нетерпении гарцевали на берегу воины из императорской свиты, с нескрываемым любопытством всматривались они в скифскую ладью, приближавшуюся к берегу. Так где же этот непобедимый славянский полководец? Не видно золотых царских одежд. Как отличить князя Святослава от простых гребцов?

Пристала ладья к берегу, князь бросил весла, и тогда поняли византийцы, что этот плечистый, крепкий воин с голубыми, как воды Дуная, глазами и есть сам Святослав.

Вот как описывает византиец Лев Диакон облик Святослава (свидетельство единственное и потому бесценное): «...умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой (усами). Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода. Крепкий затылок, широкая грудь, и все другие части тела вполне соразмерные. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды других только чистотой».

Ни одной черты норманна в облике Святослава – еще одно «за» в пользу славянского происхождения рода Рюриковичей. Так и не встав со своего сиденья в ладье, достойно, на равных говорил с императором русский князь.

Почетный для князя мир был заключен. И, как свидетельствовал историк, император «с радостью принял условия россос».

«Лют будет муж этот»

Летопись так рассказывает о тех дарах, что сулили Святославу византийцы. Сказали именитые мужи императору: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?»

И вот с одним знатным византийцем послали собранные дары князю и наказали посланнику: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Даже не взглянул Святослав на принесенное богатство, равнодушно бросил слугам: «Спрячьте».

Стали советовать приближенные своему императору: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие».

Принесли в дар Святославу мечи искусной работы. Разгорелись глаза у полководца. Вернулись в страхе императорские посланники, поклонились цесарю: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». Пришлось цесарю просить Святослава: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь». «И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою...»

По договору Святослав оставлял Доростол, отпускал на волю всех пленных. Византийцы же обязались не чинить препятствий русским купцам, а княжескую дружину пропустить к морю, наделив каждого воина хлебом и деньгами.

Невесел был путь домой: пришлось зазимовать в Белобережье, в устье Дуная. Пережив голодную зимовку, по весне Святослав с небольшим отрядом отправился на ладьях к Киеву.

На днепровских порогах подстерегали русских дикие печенежские орды, в схватке с которыми в 972 году пал храбрый князь.

...но прежня сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.

Как гласит легенда, печенежский хан Куря повелел сделать из черепа поверженного героя чашу, окованную золотом, и пил из нее: «...сделаша чашу оковавшие лоб его и пиаху в немь...»¹² Твердо веровал хан в то, что вместе с вином вливаются в его кровь животворные силы – полководческий талант, разум и отвага славного русского воина.

«Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка», – сетовал Карамзин.

Александр Пушкин как-то делился своими раздумьями о русской истории с Николаем Гнедичем, поэтом и переводчиком: «Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит Поэту».

---

¹² «Чужих ища, своих погуби», – такая надпись, согласно одному из списков летописи, была на той чаше. Другой же летописный список приводит иные слова: «Пусть дети наши будут похожими на него».

«Владимир-солнце»

Сей князь, названный церковью Равноапостольным, заслужил и в истории имя Великого.
Н.М. Карамзин

Святославичи

Не прервался с гибелью Святослава род Рюриковичей. От его сына Владимира, нареченного в народе «Красное Солнышко», нити родословной через века вели к Александру Пушкину.

Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за бранными столами.

...Три брата Святославича после гибели отца стали княжить на Руси: Ярополк – в Киеве, Олег – в Овруче¹³, в землях древлян, а Владимир – в Новгороде.

Но вспыхнула искрой ссора между братьями, обратившись вскоре в великое пожарище братоубийственной войны, – и пошел брат на брата.

А случилось вот что. Олег, охотясь в киевских лесах, ненароком убил Свенельдича, сына воеводы Ярополка. Старый Свенельд, скорбящий по сыну, постарался внушить князю, что надо покарать брата, лишить его княжеской власти.

«Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю». И была битва под городом Овручем в 977 году. Не выдержали натиска Ярополковой рати Олег и его воины – лавиной откатились к крепостным стенам города. А на мосту, перекинутом через ров, уже сгучились в панике многие сотни всадников и пехотинцев. В невообразимой давке и толчее срывались с моста в глубокий ров и конники, и пешие, а на них сверху падали все новые и новые жертвы.

Так бесславно погиб и Олег.

И когда из-под множества мертвых тел подняли и принесли его, заплакал Ярополк, с горьким упреком сказал старому Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!»

У плохих вестей быстрые крылья. Узнав о гибели своего брата и устранившись подобной участи, Владимир спешно покинул Новгород. А Ярополк тут же послал своих посадников в оставленный Владимиром город.

С 977 года Ярополк – единственный правитель Руси. Около трех лет наслаждался он всей полнотой собственного владычества. Но рано было ему торжествовать победу. В далеких скандинавских землях уже трубили сбор: собирались под знамена Владимира Святославича, строились в боевые ряды храбрые воины «из варягов, славян, чуди и кривичей» для похода на Киев. (В «Повести временных лет» опять упоминаются варяги, но здесь они всего лишь наемные воины, не более того.)

---

¹³ Овруч (в летописи «Вручим») – город в Житомирской области.

Об этом же писал и С.М. Соловьев: «... в событиях внешних – в походах, завоеваниях и в жизни внутренней славяне составляют свою историю, варяги являются в ней только участниками, служебниками».

Робичич

Чтобы заручиться поддержкой полоцкого князя Рогволода¹⁴ (кстати, по последним исследованиям белорусских историков, Рогволод – не пришлый варяг, как считалось долгое время, а славянин, имя же его означает «владелец рога» – мыса), а также прослышав о красоте и уме его дочери Рогнеды, Владимир послал в Полоцк своего дядю и наставника Добрыню сватать красавицу. Рогнеда же, мечтавшая просвататься за Ярополка, отказала: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка»¹⁵.

...«Не хочу розути робичича...» В свадебном языческом обряде славян молодая жена разувала мужа в знак своей покорности. Кровно обиделся Добрыня – ведь это его сестру, мать Владимира, назвала она рабыней. Весь род оскорбила Рогнеда. С горечью передал он слова гордой красавицы своему племяннику. Услышав их, разгневался Владимир, исполнился яростью.

Суровая кара последовала за дерзкие и своевольные речи полочанки. Из Новгорода двинулись на Полоцк рати Владимира. Город пал. Рогволод, его жена и два сына были убиты. Рогнеда же против своей воли стала женой Владимира.

Покоренный, дымящийся, в развалинах, лежал Полоцк у ног победителя, а юный князь уже обратил свои взоры к Киеву – «матери городов русских», городу-мечте всех русских князей.

И уже не веселый свадебный поезд приближался к славному граду Киеву, а могучее войско Владимира подходило к его высоким стенам. И не колокольцы позванивали, а булатные новгородские мечи со звоном ударялись в длинные, почти в рост дружинников, щиты.

Ярополк же не отважился на открытый бой в чистом поле, затворился в Киеве. Но один из самых близких и доверенных друзей князя, воевода по имени Блуд, все нашептывал князю, что страшно-де в Киеве оставаться, надежнее беду в городке Родне¹⁶ переждать.

Киевские врата без боя были открыты Владимиру, а в Родне, окруженной войсками Владимира, начался жестокий голод. И стал Блуд снова страшить князя Ярополка: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заклучай мир с братом своим». И отвечал смиренно слабавольный Ярополк: «Пусть так!» А Блуд все уговаривал: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». И лишь один дружинник, Варяжко, отговаривал князя: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам, и приведешь воинов».

Не внял Ярополк ему, отправился в княжеский терем к брату. Но уже торопил гонец взмыленного коня, нахлестывал плетью коня по крутым бокам: не опоздать бы, первым вручить князю страшное, предательское письмо Блуда: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе

¹⁴ В летописях полоцкий князь именуется также Рогволодем.

¹⁵ Князь Святослав, отец Владимира, был женат на княжне угорской Предславе. Малуша же, его незаконная жена, происходила родом из обедневших древлянских князей. Дочь Малка Любечанина – Малуша, родная сестра былинного богатыря Добрыни [Никитича], служила ключницей у княгини Ольги, матери Святослава. Малуша и стала матерью Владимира Красное Солнышко. Точная дата его рождения неизвестна – предположительно 958–960 гг. Так уж повелось – считать мать Владимира I Малушу рабыней. Этому заблуждению в немалой степени способствовала и отечественная историко-художественная литература. А ведь во время знаменитой поездки княгини Ольги в Царьград ее сопровождала Малуша. Византийский император Константин VII Багрянородный в своем сочинении «О церемониях византийского двора» в числе прочих почестей, оказанных киевской княгине, описывает и парадный обед в зале Юстиниана, где за одним столом встретились четыре «государственные дамы»: бабушка и мать князя Владимира – княгиня Ольга и Малуша – с бабушкой и матерью будущей жены Владимира Анны – императрицей Еленой и ее невесткой Феофано. И еще одно тому доказательство. В Мадридской национальной библиотеке в одной из древних рукописей представлена миниатюра, на которой Ольга – «архонтиса русов» – изображена в особом головном уборе, «как новокрещеная христианка». Рядом с ней в таком же уборе новокрещеной запечатлена Малуша.

¹⁶ Родня – город на реке Рось.

Ярополка: приготовься убить его». Не довелось Ярополку и слова вымолвить брату: лишь вошел он в сени, как два дюжих молодца подняли его на мечи...

Сожалел ли Владимир о смерти брата, оправдывался ли, вспоминая погибшего по вине Ярополка Олега, но говорил он так: «Не я первый начал, но он».

Владимир и Рогнеда

Не было теперь у князя Владимира соперников: сложили свои буйные головы Свято-славичи не в бою с врагами, а в борьбе за «священный град отцов». И взошел на желанный киевский престол князь Владимир. А случилось это в году 980-м.

Богатые и обширные земли приднепровские, полоцкие и смоленские, новгородские и черниговские объединились под всеильной десницей князя Владимира Красное Солнышко. Верен молодой князь отцовским заветам: удачливые военные походы на западные окраины Руси позволили присоединить к Киеву западнорусские земли, умножить его владения от Карпат до Восточной Пруссии. Но, пожалуй, более, чем ратные дела, влечет его государственная, устроительная деятельность – сплотить все земли Киевской Руси в единую всеильную державу. Думает он и о том, как установить надлежащим образом «строй землей» и «установ землей».

Предстоит Владимиру Святославичу тяжкая, кровопролитная борьба с печенегами – для защиты от кочевых орд крепко станут на границах Руси богатырские заставы. Отсюда, с этих героических времен, и пойдут передаваться от отцов к сыновьям, от дедов к внукам былинские сказания о славных богатырях Илье Муромце и Добрыне Никитиче, Святогоре и Вольге Селяниновиче, о ласковом князе Владимире Красное Солнышко, о годах воинской доблести и славе русского оружия.

...Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

Но не от коварных печенегов, не от лихих недругов поджидала смертельная опасность князя. Беда таилась рядом, в родном доме.

Не забыла полоцкая княжна горечь своего невольного замужества. И хотя четверых сыновей и двух дочерей родила она Владимиру (Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, Предславу и Марию), все чаще вспоминались ей счастливые девичьи дни в родном Полоцке, а после – разоренный город, пылающий терем, дорогие лица убитых отца и братьев... Терзала и ревность к новым женам Владимира. (Карамзин писал, что, кроме пяти законных жен, «ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любовного взора...») Вскипало жгучей мстительностью сердце княжны – решила она убить Владимира.

Как-то тяжелым полуденным сном забылся Владимир в опочивальне Рогнеды, жившей уединенно в селе Предславино, неподалеку от Киева... И вдруг словно яркий луч света полоснул по глазам князя – то ли блеск кинжального острия, то ли безумный, горячий взгляд Рогнеды. Опытная рука воина перехватила слабое женское запястье – бесшумно выскользнул из разжатой ладони в княжеские пуховики нож...

(Пушкин в планах задуманной им исторической поэмы «Вадим» Рогнедой именовал дочь Гостомысла: «Рогнеда, раскаянье ее, воспоминанья...»)

Разгневанный Владимир приказал Рогнеде одеться в нарядные брачные одежды и готовиться к смерти.

Но только вступил князь в опочивальню, чтобы собственноручно покарать преступившую закон жену, как малолетний сын Изяслав храбро выступил навстречу ему и подал тяже-

лый меч со словами, которым научила его мать: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем». В сердцах швырнул Владимир меч об пол: «Кто знал, что ты здесь!»

По совету дружины Владимир отправил Рогнеду в только что выстроенный город, наименовав его в честь сына Изяславем. Изяслав же и положил начало династии полоцких князей.

Так повествует Лаврентьевская летопись.

Ну а как же сложилась судьба полоцкой княжны Рогнеды? Сохранилось интересное свидетельство в Тверской летописи: Владимиру после принятия христианства и венчания с византийской царевной Анной надлежало оставить всех своих прежних жен. Послал он о том сказать Рогнеде и предложил ей выбрать себе мужа из княжеских вельмож. На что гордая Рогнеда ответствовала: «...не хочу раба быти земному царю, ни князю, но уневеститися хощю Христови, а въсприиму ангельский образ».

Ее сын Ярослав, услышав эти слова, воскликнул: «О мати моя! Воистину царица еси царицам и госпожа госпожам».

Рогнеда, которую народ за ее слезы и страдания нарек Гориславой, постриглась в монахини. Сохранилось предание, что в Краславе, небольшом городке близ Полоцка, на высоком берегу Западной Двины, доживала свой век некогда гордая красавица. Умерла Рогнеда в 1000 году, на пороге XI столетия.

Читателю, видимо, небезынтересно будет узнать, что три сына Рогнеды – прямые предки поэта. Александр Сергеевич состоит в родстве с Ярославом Мудрым через князей Черниговских в 25-м колене, через князей Ржевских и Смоленских – в 27-м колене, а по линии Холмских – в 24-м колене; с Мстиславом Храбрым поэт связан родством по линии Глебовых в 26-м колене (примерно); с Изяславом, родоначальником династии полоцких князей, идущей от Владимира I и Рогнеды, – в 29-м колене.

Креститель

Подобно солнечным лучам, сияла и проникала во все дальние уголки Древней Руси слава о мудром князе киевском Владимире Красное Солнышко. Но не за ратные подвиги и не за свою государственную мудрость восславлен был князь.

В годы правления Владимира произошло одно из самых знаменательных событий древнерусской истории – крещение Руси.

По преданию, Владимир должен был избрать лучшую для Руси веру, выслушав проповедников, восхвалявших каждый свою религию.

Магометанские обряды (отказ от свинины, питья) были явно неприемлемы для русских. «Руси есть веселие пить, не можем без того быть», – ответил князь болгарам-магометанам.

Иудейское верование Владимир тоже не принял, сказав проповедникам такие слова: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» Отверг князь и учение, что предлагали ему посланцы папы римского: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

Христианство же было известно на Руси – еще княгиня Ольга, бабушка Владимира, приняла крещение. О красоте, пышности греческой веры давно был наслышан князь от странников и своих бояр, бывавших в Константинополе. Говорили они князю Владимиру так: «Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Владимир выбрал православие.

Вот как описаны историком С.М. Соловьевым события, предшествовавшие крещению: «Таким образом, все было готово к принятию новой веры, ждали только удобного случая. «Подожду еще немного», – говорил Владимир, по свидетельству начального летописца киевского. Удобный случай представился в войне с греками; предание тесно соединяет поход на греков с принятием христианства, хочет выставить, что первый был предпринят для второго. Владимир спросил у бояр: «Где принять нам крещение?» Те отвечали: «Где тебе любо». И по прошествии года Владимир выступил с войском на Корсунь»¹⁷.

Далее события развивались так. Корсунь после длительной осады сдалась, и Владимир, покорив город, отправил византийским императорам – братьям Василию II и Константину VIII такое послание: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». В ответ Владимиру было предложено креститься. Крестился князь в церкви Святого Василия в Корсунь и после крещения обвенчался с византийской царевной Анной¹⁸. И как заключил С.М. Соловьев, «это предание очень верно обстоятельством в своих подробностях и потому не может быть отвергнуто».

Здесь важно и другое – новая вера не была насильственно навязана киевскому князю, напротив, он сам завоевал право принять ее, и Русь не стала зависимой от Византии.

На смену язычеству славян пришло православие. Горели деревянные идола языческих богов¹⁹, медленно уплывали, покачиваясь на речных волнах, статуи низвергнутых кумиров, сопровождаемые людскими воплями и плачем. Непокорных же поклонников Сварога, Даж-

---

¹⁷ *Корсунь* – древнерусское название Херсонеса, византийской колонии в Крыму.

¹⁸ *Царевна Анна* – внучка византийского императора Константина VII Багрянородного.

¹⁹ В начале своего княжения в Киеве Владимир поставил кумирню языческим богам на холме, за теремным двором. В центре ее возвышался деревянный Перун с серебряной головой и золотыми усами.

дьбога и Перуна силой заставляли креститься в днепровских водах: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». И восклицал в великом смятении летописец, ведавший, как привязывали Перуна к лошадиному хвосту, как волочили к воде, а двенадцать мужей колотили деревянного бога жезлами: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои! Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем». Плыл уносимый Днепром, низверженный и иссеченный Перун. И никто не осмеливался спасти некогда страшного и всеильного бога, помнили люди княжеский наказ – отпихивать его, если пристанет где к берегу.

Все было необычно в тот летний день 988 года на Днепре. Множество киевлян собралось на его берегу. С опаской входили они в воду: самых маленьких держали на руках матери, дряхлых старцев и недужных поддерживали под руки. Были там и слезы прощания со старыми богами, и радость приобщения к новой, неведомой доселе вере, страх и умиление, любовь и надежда.

Корсунские священники в блестящих на солнце ризах осеняли крестным знаменем киевлян, размахивали кадилами, источавшими тонкий смолистый запах ладана. И стар и млад приняли в тот великий день таинство крещения. Как сказано в летописи, «земля и небо ликовали».

«Проповедь Евангелия распространялась на диких поклонников Перуна, и Владимир принял крещение», – записал Пушкин.

Ради блага и возвеличивания земли Русской дал князь Владимир народу новую веру – христианство. На месте разоренных древних капищ и кумирен уже стучали топоры, сновал веселый мастеровой люд. Ладно спорилась работа – рубили по княжескому указу православные церкви. А тут новый указ Владимира подоспел: забирать у лучших людей детей и отдавать их в учение книжное. Заголосили, запричитали по домам матери – горько ведь отдавать родное дитячко в чужие руки!

Трудно начиналась новая Русь – Русь могучая и просвещенная. «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир... История новейшая есть история христианства», – писал далекий потомок святого князя Александр Пушкин. И он же справедливо полагал, что «... греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

«С друзьями в гриднице высокой»

«Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве; молодые богатыри со скуки разъезжаются...» – так начинался план задуманной Пушкиным исторической поэмы «Мстислав».

Но скучать в Киеве Владимиру было недосуг. Битвы с печенежскими ордами сменялись щедрыми пирами в ознаменование побед, одержанных киевской дружиной. Для народа накрывали огромные столы на княжеском подворье, а сам Владимир с дружиной пировал в гриднице или «на сенях» – летней галерее в княжьем тереме. На воскресных пирах Владимир держал совет с любимой дружиной, одаривал ее золотыми и серебряными монетами. На древних монетах вокруг изображения князя шла надпись: «Владимир на столе, а се его злато», «...а се его серебро».

В толпе могучих сыновей,
С друзьями в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал...

Ломились дубовые столы от дичи, рыбы, самых изысканных яств; бочками катили слуги меда в княжескую гридницу.

Но не забывал князь и о самых обиженных – нищих и калеках. По всем дворам ходили княжеские слуги, спрашивали: «Где есть нищие, недужные?» И тогда самым обездоленным привозили рыбу и мясо, хлеб и мед. Ну а того, кто сам мог дойти до княжеского двора, там, на накрытых столах, ждало сытное угощение.

Владимир, приняв святое крещение, преобразился. Будто было в истории два князя: первый – язычник, братоубийца, сластолюбец; второй – христианин, милостивый князь-отец, не желавший «уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества».

«Между двенадцатью сынами»

Через пятнадцать лет после кончины Рогнеды умер и сам Владимир Святославич, канонизированный православной церковью святым и равноапостольным.

«Владимир разделил между своими сыновьями завоевания своих предков. Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, обязанными сдерживать возмущения и отражать врагов», – запишет поэт.

«Ты к мощной древности опять меня манишь...» В пушкинских рукописях сохранились планы и наброски – заготовки будущих исторических поэм. Иным смыслом полнятся ныне эти беглые заметки – поэт, сам того не ведая, упоминает имена своих могучих предков:

«Изяслав сын Рогнеды в Витебской губернии основал гор. Изяславль.

Мстислав, Ярослав (братья его), две дочери.

От богемки (чехини) Владимир имел Вышеслава,

от 3-й Святослава и Мстислава, от 4-й (болгарки) Бориса и Глеба

<...>

Станислав, Подвизд, Судислав – меньшие

<...>

Вышеславу – Новгород.

Изяславу – Полоцк.

Ярославу <и> Борису – Ростов.

Глебу – Муром.

Святославу – древлянскую землю.

Всеволоду – Владимир Вольнской.

Святополку – Туров (в Минской губернии)».

Двенадцать сыновей Владимира правят главными городами на Руси. Но нет мира между ними. Вновь затеваются смуты, княжеские усобицы – не прекращается борьба за вожделенный киевский престол.

«Но вскоре началось соперничество и вспыхнули войны, продолжавшиеся без перерыва двести лет», – напишет Пушкин. Святополк, прозванный в народе Окаянным, злодейски убивает своих братьев Бориса, Глеба и Святослава²⁰. В борьбу с ним вступает князь Ярослав, сын Рогнеды. Вот от него, великого государственного деятеля Древней Руси, прославленного своей мудростью, и ведут прямые линии родства к поэту.

Пушкин-историк. Наверное, эта тема требует еще своего особого осмысления. Исторические познания поэта были на редкость глубоки. «...Читаю только Карамзина да летописи», – признавался Пушкин в письме Жуковскому в августе 1825 года.

В жизни, видимо, поэту приходилось встречаться и с теми, кого судьба России оставляла равнодушными. Это огорчало и раздражало Пушкина: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят батвинью и что дети их бегают в красной рубашке».

... Всего за несколько часов до роковой дуэли утром 27 января 1837 года Пушкин пишет письмо писательнице А.О. Ишимовой:

«Милостивая государыня Александра Осиповна,

---

²⁰ Некоторые современные историки считают Святополка непричастным к убийству братьев.

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение <...> Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..»

Это была книга рассказов для детей о начальных веках русской истории, о первых правителях Древней Руси – князьях Рюриковичах: Игоре, Святославе, Владимире Святославиче, Ярославе Мудром, Александре Невском...

«...И поневоле зачитался» – удивительные пушкинские строки...

Владимировичи

Изображение старины... имеет неизъяснимую прелесть для воображения.
А. С. Пушкин

Князь Изяслав и его потомки

От Изяслава Владимировича родственные линии идут через князей полоцких и суздальских.

Правнук Рогнеды Всеслав Брячиславич с 1044 года стал княжить в Полоцке. Ходил князь походом на Новгород в 1067 году и даже на какое-то время сумел захватить город. В марте того же года на берегах Немиги сошлись в кровавой сече рати Всеслава и братьев Ярославичей: Изяслава, Святослава и Всеволода – сыновей Ярослава Мудрого. В битве на Немиге противостояли друг другу два прямых предка поэта: Всеслав Брячиславич и Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха. Полоцкая дружина Всеслава была разбита, а сам князь бежал в Полоцк.

Ярославичам удалось, однако, в июле вызвать своего двоюродного племянника на мирные переговоры. Братья целовали крест честной Всеславу и обещали не творить ему зла. Но когда Всеслав переехал к ним в ладье через Днепр, Ярославичи, преступив клятву, привезли его в Киев и бросили в темницу («поруб») вместе с двумя сыновьями.

В сентябре 1068 года киевляне вызволили полоцкого князя из почти годового заточения и возвели на великокняжеский престол. Только семь месяцев восседал на нем Всеслав, пока его с помощью поляков не изгнал из Киева князь Изяслав Ярославич. Всеслав с сыновьями спешно бежал в Полоцк.

Воевал Всеслав Брячиславич и со своим троюродным братом Владимиром Мономахом – последний отобрал у него Минск.

Автор «Слова о полку Игореве»²¹ отзываясь о полоцком князе нелестным образом: «... Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву и коснулся древком золотого стола киевского. Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, добыл он счастье, в три удара отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги...»

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны – засеяны костями русских сынов. Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов до Тмутороканя, великому Хорсу²² волком путь перерыскивал. Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в храбром теле, но часто от бед страдал...

---

²¹ Пушкин не сомневался в подлинности древней рукописи: «Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока... Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться». «...К сожалению, – старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь – и на ней возвышается единственный памятник: Песнь о полку Игореве». В последние годы жизни поэт готовил издание древней песни в собственном переводе. По свидетельству его современника, «Слово...» Пушкин «... помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров». Не дано было знать поэту, что героями древней песни были и его прямые предки.

²² Хорс – славянский языческий бог, бог Солнца; Всеслав «рыскал» до восхода солнца.

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей!..»

Ходили о князе Всеславе таинственные слухи: будто был он наделен колдовскими чарами, отчего и получил свое прозвище – Чародей. Сказывали, что мать родила его «от волхования», и с самого рождения была у князя некая волшебная метка – рана на голове. Будто бы всю свою жизнь Всеслав носил, не снимая, чудесную повязку на голове, которой была перевязана вечно кровоточащая рана, что из-за нее-то и был полоцкий князь «жесток на кровопролитие». А еще называли Всеслава оборотнем, чему подтверждением и поэтические строки древнего «Слова...».

Из шести сыновей князя-чародея Святослав продолжил родственные линии к поэту. Далекая прапраправнучка Святослава Всеславича, полоцкая княжна Александра Брячиславна (Рогнеда и Владимир I – ее предки в 10-м колене), обвенчалась с девятнадцатилетним Александром Ярославичем, будущим князем Невским. Союз древних родов дал мощную ветвь на генеалогическом древе поэта: род князей суздальских.

Ярослав Мудрый

Свою кровь дал поэту и великий князь Древней Руси Ярослав Мудрый.

Первоначально Ярослав княжил в Ростове, но после смерти своего родного брата Вышеслава получил в княжение Новгород. Новгородцы, издавна известные своей вольницей, отказались давать Киеву ежегодную дань («урок») в две тысячи гривен. Разгневанный Владимир уже готовил военный поход на непокорный город: велел мостить мосты, расчищать дороги в дремучих лесах. И только смерть самого князя-отца помешала неизбежной кровопролитной войне. В 1015 году, в год смерти Владимира, киевский стол наследует его сын Святополк. (Был ли он сыном Владимира, доподлинно неизвестно. Ведь Владимир после захвата Киева в 980 году взял в жены вдову своего брата Ярополка, ставшую в скором времени матерью Святополка.)

«Княжение Ярослава может назваться продолжением Владимирова, как по отношениям киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством. Ярослав является в первый раз в истории мятежным сыном против отца...» – так начинает свое повествование о князе русский историк Н.И. Костомаров.

Прежде чем пойти на такой решительный шаг – отказаться платить ежегодный «урок», Ярослав заручился поддержкой наемного варяжского войска. Сделать это князю было несложно: со скандинавами его связывали родственные узы, ведь женой Ярослава была дочь шведского короля Олафа Ингигерда. (Мать Ингигерды, королева Швеции, по некоторым сведениям, происходила из бодричских славян.)

Варягам, нанятым на службу Ярославом, жилось в Новгороде вольно. Их многочисленные бесчинства, и особенно приставания к замужним женщинам, не могли прийтись по душе новгородцам. Не стерпели жители вольного города обид, чинимых наемниками, завлекли их на двор некоего Поромони, там их и изрубили.

Прознав о той расправе, Ярослав зазвал к себе обманом новгородцев, особо усердствовавших в избиении варягов, и повелел своим воинам всех зачинщиков перебить. Пало жертвой княжеского гнева немало достойных новгородских мужей – было их около тысячи: воевод, бояр, воинов.

А к исходу той страшной ночи примчавшийся из Киева гонец вручил Ярославу письмо от сестры Предславы. Извещала его сестра о смерти отца и о страшных, кровавых деяниях Святополка: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень».

Пришлось Ярославу на вече повиниться перед новгородцами и просить их о помощи: «О моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их теперь никаким золотом нельзя искупить... Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной – поддержите меня!» Ответствовали ему новгородцы: «Хотя, князь, ты и перебил нашу братью, но мы можем за тебя бороться».

В 1016 году, собрав более чем сорокатысячное новгородское ополчение, взяв на подмогу варяжское войско, Ярослав пошел войной на братоубийцу. Святополк же со своей ратью, заключив союз с печенегами, вывел свои войска навстречу Ярославову войску и подошел к днепровскому берегу. Так и стояли три месяца под Любечем друг против друга обе рати, разделенные могучей рекой.

Начал Ярослав. Своим смелым и решительным нападением он добился победы и занял «трон отцов», оставленный бежавшим в Польшу Святополком.

Все воины были щедро одарены Ярославом: одни получили по гривне, а другие – по десять гривен серебра.

И еще. Отпустив новгородцев домой, дал им князь закон: «...по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите... А се есть Правда Русская...» Созданный гражданский устав (свод законов) – Русская Правда – сослужил бесценную службу многим именитым историкам и первому из них – В.Н. Татищеву, воссоздавшему утраченные, казалось бы, навсегда картины обычной, повседневной жизни древних русичей.

Святополк же, изгнанный из Киева, не смирился с участью побежденного и свои надежды вновь занять отчий престол возлагал на помощь печенегов и польского короля Болеслава Храброго. И уже в 1017 году Киев был осажден печенегами.

Горожане придумали тогда множество хитроумных способов защитить город. Вокруг Киева выкопали глубокий ров, на воду положили бревна, а на крепостных стенах возвели частокол из зеленых ветвей, что послужило надежным заслоном от печенежских стрел. Тогда киевлянам удалось отбить все атаки вражеских орд. Зато в следующем году войска польского короля Болеслава Храброго разбили дружины Ярослава на пограничном Буге и вошли в Киев.

Болеслав Храбрый, захватив Киев, вовсе не собирался передавать киевский престол Святополку: слишком лакомым куском представлялся он польскому королю. Отсюда, из стольного русского града, возмечтал он править огромной империей. Скоро киевляне, да и сам Святополк, почувствовали на себе все «прелести» иноземного правления. И начали, не без благословения на то князя, избивать поляков. Пришлось Болеславу бежать к себе, в Польшу. В отместку русичам прихватил он немало княжеского добра и насильно взял с собой любимую сестру Ярослава Предславу.

После битвы с польским королем на Буге Ярослав бежал в Новгород. Мыслил он найти надежное укрытие в Швеции, но этим планам не суждено было сбыться: новгородцы в щепы изрубили княжеские корабли, уже готовые к отплытию. «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком!» – клялись они Ярославу.

Вновь собрали новгородцы рать, наняли варягов, и двинулось огромное войско под предводительством Ярослава, на Киев. В 1019 году, на берегу Альты, там, где был злодейски убит Борис (молодой князь, когда возвращался из похода на печенегов, был убит тайными убийцами – варягами, подосланными Святополком), разыгралась великая сеча. В яростной схватке во второй раз одолел Ярослав войско Святополка и половецкие орды, приведенные им.

Сам же Святополк вновь бежал на чужбину и где-то в пути – «между чехов и ляхов» – скончался. По свидетельству летописца, напал на князя безумный страх, силы покинули его – не мог он даже сидеть в седле. Пришлось слугам тащить его на носилках, а безумец все повторял: «Бежим, бежим, за нами гонятся!» За все его лихие дела и предательства осталось за Святополком в народной памяти прозвище Окаянный.

Но не настало спокойствие в русских землях. Родной племянник Ярослава полоцкий князь Брячислав Изяславич в 1021 году пошел войной на Новгород. Пришлось Ярославу вступить за новгородцев: на реке Судомири напала княжеская дружина на полочан, отбила у них пленных и награбленное добро.

Опять предки поэта противостояли друг другу.

К тому времени, когда Ярослав прочно утвердился на киевском престоле, живы были только два его брата – Мстислав и Судислав.

Мстислав, владевший Тмутараканским княжеством, характером более всего походил на своего деда Святослава, превыше всех жизненных благ ценившего верную свою дружину и ратные подвиги. Недаром в русских преданиях звался он богатырем.

Воевал Мстислав с Ярославом за право владеть большей вотчиной. Жестокой была сеча двух ратей в 1023 году близ Листвена в Северной земле. Не выдержал Ярослав напора битвы, вновь бежал в Новгород. Но победитель Мстислав не воспользовался слабостью

брата, отправил ему вдогонку письмо. В том послании он великодушно предлагал брату княжить в Киеве, а себе брал земли с городом Черниговом: «Ты, старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сторона Днепра!»

Больше не было меж братьев ссор, и, как отмечали летописцы, жили они душа в душу: «И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

Благодаря дружественному союзу вместе смогли они отбить в 1031 году захваченную прежде Болеславом Галичину (Галицию).

После смерти Мстислава в 1036 году волость его вновь отошла к Ярославу, который с тех пор стал называться самовластием Русской земли. Единственным из братьев Владимировичей, оставшимся к тому времени в живых, был Судислав. Судьба его сложилась несчастливо: по чьему-то злому доносу был он посажен Ярославом в темницу в Пскове. Целых двадцать четыре года провел несчастный узник в «порубе». Только через пять лет после кончины Ярослава выпустили его на свободу с тем условием, чтобы немедленно постригся в монахи. Умер Судислав в одном из монастырей в 1063 году, намного пережив всех своих братьев.

Немало порадел князь Ярослав для Руси, много новых земель вошло в ее состав. После удачной войны с чудью был основан в 1030 году город Юрьев (назван по имени, данному Ярославу при крещении).

Многие спорные вопросы умел разрешить князь мирным путем. Так, поляки долго не хотели признавать за Русью западные земли – Галицию. Все споры были улажены благодаря дальновидности и мудрости князя: свою сестру Доброгневу (Марию) он выдал за польского короля Казимира. В знак доброй воли поляки отпустили 800 русских пленников, захваченных королем Болеславом.

Довелось Ярославу в 1043 году воевать с Грецией (Византией). Поводом к морской войне послужила ссора русских и греческих купцов. Посланный к греческим берегам флот под предводительством сына Ярослава Владимира попал в жестокий шторм. Корабли были разбиты вдребезги, и выброшенные на берег русичи оказались в греческом плену. Судьба их была незавидной: воеводе Вышате и многим русским пленникам греки выкололи глаза. Но Владимиру Ярославичу удалось избежать неволи и счастливо вернуться домой. Через три года после заключения мирного союза с Грецией всем пленникам была дарована свобода.

Святая Русь, Отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд...

А залогом доброго и прочного мира стала свадьба младшего княжеского сына Всеволода Ярославича и Анны Константиновны, дочери византийского императора Константина Мономаха.

Династические связи укрепляли Русь. И великий князь Ярослав породнился чуть ли не со всеми королевскими дворами Европы: дочь Анна²³ была выдана за французского короля Генриха I; Елизавета²⁴ – за норвежского короля Харальда III; Анастасия – за Андрея Венгерского; сын Ярослава Изяслав женился на сестре польского короля Казимира; сыновья Вячеслав и Святослав (предположительно) – на немецких княжнах.

---

²³ Анна Ярославна (ок. 1024 – не ранее 1075), с 1051 г. – королева Франции; мать короля Филиппа I. Правительница Франции в малолетство сына. Почиталась одной из образованнейших женщин своего времени: изъяснялась на нескольких европейских языках, состояла в переписке с папой римским Николаем. Во втором браке – графиня де Крепи.

²⁴ Сохранились стихи Харальда, посвященные Елизавете: «Русская девушка в золотой гривне не обращает на меня внимания...»

Интересны здесь исторические воззрения А.С. Пушкина, прямого потомка князя Ярослава: «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира...»; «...Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою... история ее требует другой мысли, другой формулы...»

Известно еще одно, довольно резкое замечание поэта: «...Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». И тем не менее, «в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою».

При жизни, подобно своему отцу, Ярослав раздал уделы сыновьям: старший, Владимир, получил Новгород, в Турове сел Изяслав, во Владимире Волынском – Игорь, в Смоленске – Вячеслав, Чернигов достался Святославу, а Переяславль – Всеволоду, любимому сыну.

Всеволод Ярославич, прямой предок поэта, родился в 1030 году. Княжил поначалу в Переяславле, затем – в Чернигове. К его владениям принадлежала и часть Ростово-Суздальской земли. Почти двадцать лет (с 1078 года вплоть до своей кончины в 1093 году) Всеволод восседал на великокняжеском киевском престоле.

Столь долгое княжение объяснялось во многом победами его сына Владимира Мономаха. Князь Всеволод владел пятью языками, в том числе и греческим, родным языком своей жены – «царицы грекини», был начитан и образован.

Карамзин приводит напутственные слова Ярослава, обращенные к сыновьям: «Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие государства, основанного счастливыми трудами наших отцов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество». И тут же сам историк сетует: «Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцов, и, к несчастью, ошибся».

Летописец так отзывался о Ярославе: «...он был хромоног, но ум у него был добрый, и на рати был он храбр». Упоминается в жизнеописании князя о его книголюбии. В княжение Ярослава грамота особо была в чести, сам же он, по свидетельству летописца, читал очень много – и ночью, и днем. Любил князь беседы с «книжными людьми». При князе-книголюбе состояло множество писцов, переводивших книги с греческого языка на славянский. Из этих книг составила впоследствии богатейшая библиотека, хранить которую было велено в Софийском храме.

Продолжил Ярослав и еще одно дело, начатое отцом. По его повелению триста детей старост и священников обучались в Новгороде грамоте. И, как говорится в летописи: «Отец его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил, Ярослав же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье принимая книжное».

Не зря величали Ярослава князем-«хоромцем» – охотником строить, возводить хоромы. Закладывал он на Руси новые города: названный его именем Ярославль, Юрьев, города по реке Рось. В Киеве вознесся собор Святой Софии (1037–1054), были возведены монастыри Святого Георгия и Святой Ирины, сооружены Золотые Ворота с надвратной церковью Благовещения. По числу и красоте церковей стольный град соперничал со столицей Византии Константинополем.

Самым же любимым детищем Ярослава стал богато изукрашенный мрамором, фресками и мозаикой храм Святой Софии, созданный по образу и подобию храма Софии Константинопольской. (В центральной части храма сохранилось изображение дочерей Ярослава, держащих в руках зажженные свечи. Портрет же самого Ярослава ныне утрачен.)

При Ярославе Мудром стало укрепляться христианское учение: язычество еще было сильно в отдаленных русских землях. В княжение Ярослава основан был Антонием Любечанином прославленный ныне Киево-Печерский монастырь.

С основанием храма Святой Софии было положено и начало русской митрополии. Первым митрополитом стал грек Феопемпт, а в 1051 году его сменил русский – Иларион, большой книгоучей и писатель. Избрание митрополита состоялось без ведома константинопольского патриарха. Ярослав поступил подобно византийскому императору. Не случайно Ярослава Мудрого величали не только великим князем, но и царем. Будто бы о своем мудром предке сказал поэт: «Его распоряжения, переданные нам историю, сохранены...»

Н.М. Карамзин так описывал последние дни правления Ярослава: «Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышгород и там скончался, имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из всех детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ, священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви». И на стене столь любимого князем Софийского собора была сделана надпись «об успении царя нашего».

Умер Ярослав Мудрый на 76-м году жизни в феврале 1054 года. И, как писал историк: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвышенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области».

Поистине «минули годы Ярославовы».

Князь Мстислав

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма», – писал Пушкин брату в Петербург в сентябре 1820 года. И не дано было знать поэту, что на этой древней земле восемь столетий назад сошлись в смертельном поединке два его далеких предка, два князя – русский и касожский...

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав Удалый, иль Ермак...

Интересна и поучительна судьба Мстислава Храброго²⁵, сына Владимира I Святославича и Рогнеды.

Мстислав с 983 года – князь Тмутараканский, позже – Черниговский. В 1016 году воевал с хазарами в Крыму, в 1022-м покорил кавказских касогов и обложил их данью.

Мстислав отличался мужеством, веселым нравом, красотой. Летописец упоминает, что был он «дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей». Страх смерти был ему неведом. Немало народных преданий сохранилось о храбром князе, но более всего в песнях и былинах восхвалялась победа Мстислава в поединке с владыкой касогов.

В 1022 году Мстислав пошел на соседних касогов, дабы наказать их за ночные набеги, когда они грабили и убивали жителей Тмутаракани²⁶ и угоняли их скот. Касожский князь Редедя, узнав, что Мстислав двинулся на него войной, обратился к нему со словами: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все».

Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены...

Редедя, как повествует летопись, был настоящим великаном с мощными руками и бычьей шеей. Однако Мстислав, не утратившись его, принял предложение, и поединок начался. Поначалу Редедя одолевал князя, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав. Тогда взмолился русский князь Богородице и, изловчившись, повалил противника на землю. Выхватил нож и «зарезал Редедю пред полками касожскими».

Касоги в страхе бежали – так Тмутаракань была надолго избавлена от разбойничьих набегов. А в благодарность пресвятой Богородице, явившей князю свою милость, и в честь победы Мстислав воздвиг в Тмутаракани каменную церковь.

От храброго князя Мстислава и от поверженного им властителя касогов Редеди протянулась живая нить и к роду Пушкиных.

Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...

---

²⁵ Мстислава Владимировича, князя тмутараканского и черниговского, в летописях называли иногда Удалым. Пушкин именовал князя этим же прозвищем (см. его примечания к «Кавказскому пленнику»). В русской истории известен еще один князь Мстислав Мстиславич Удалой (?—1228), участник битвы на реке Липице и на Калке.

²⁶ *Тмутаракань* («Тмуторокань») – древнерусский город X–XII вв. на Таманском полуострове, современная станица Таманская.

Александр Пушкин в конце 1822 года хотел написать поэму о храбром князе, одном «из героев тогдашних времен». Сохранились лишь ее план и исторические примечания о Мстиславе, сделанные Пушкиным к поэме «Кавказский пленник»: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю».

После победы над Редедей Мстислав Храбрый на правах победителя забрал все богатства касожского князя, увел в плен его жену и двух сыновей. Маленьким пленникам после крещения были даны русские имена: Роман и Юрий.

В работах известного генеалога князя П.В. Долгорукова приводится родословие одного из сыновей Редеди. Свою дочь князь Мстислав выдал замуж за Романа, от которого и пошли многие дворянские роды. Один из них дал прямую ветвь к А.С. Пушкину.

Единственный сын Мстислава Храброго – Евстафий внезапно умер в 1033 году. А через три года, в 1036 году, умер и сам Мстислав. (Полагают, что князь и его сын были отравлены.) Похоронили Мстислава в Чернигове. Как повествует летопись, «Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви Святого Спаса, которую сам заложил...»

(Эта церковь, что и поныне стоит в Чернигове, – самый древний русский православный храм.)

Так завершилась земная судьба еще одного прямого предка А.С. Пушкина – храброго русского воина.

После смерти Мстислава Храброго преемников на княжение не осталось – все его владения вошли в состав Киевского государства, и Русская земля вновь стала единой.

Как же выглядит ветвь, идущая от дочери Мстислава и ее супруга? В старинных родословцах показано, что от Романа Редедича и Мстиславны пошли многочисленные потомки: дети, внуки, правнуки.

Один из них, Михаил Юрьевич Сорокоум, живший в XIV веке, видимо, ошибочно назван правнуком Романа Редедича. В действительности же, за минувшие три столетия он мог быть потомком сына касожского князя только в восьмом либо в девятом колене. И поскольку происхождение Михаила Юрьевича от Редеди было признано достоверным еще и в Древней Руси, роспись его потомков в девятнадцатом столетии начинали с самого Михаила Сорокоума, предваряя ее рассказом о возникновении этой исторической фамилии.

Михаил Сорокоум, боярин великого князя московского Ивана Калиты, стал родоначальником многих дворянских фамилий, в их числе – и Глебовых. Род этот пошел от его сына Глеба, а сам Михаил Юрьевич стал предком Пушкина в 15-м колене.

Представительница этой фамильной ветви Мария Богдановна Глебова (прапрабабушка поэта) выйдет замуж за Ивана Михайловича Головина, по прозвищу Бас, флотского адмирала и сподвижника Петра I. Их дочери Евдокии Ивановне выпадет трагическая судьба: муж ее, Александр Петрович Пушкин, в припадке умопомрачения занесет над роженицей нож...

Исторический круг замкнется: далекой прапра...внучке касожского князя будет уготована та же судьба, что и ее незадачливому предку. Страшное дело свершится в 1725 году – две жизни будут убиты разом.

И все же ниточке родословия, вот-вот готовый прерваться, дано будет продолжиться. За два года до разыгравшейся трагедии в семье Александра Петровича Пушкина родится сын Лев, будущий дед поэта.

Шапка Мономаха

Благослови Москву, Россия!
А. С. Пушкин

«Примите... В сердце свое»

Владимир II Мономах²⁷, сын великого князя киевского Всеволода I и внук двух великих самодержцев – Ярослава Мудрого и византийского императора Константина IX Мономаха – личность в истории Древней Руси незаурядная. Славному князю-ратнику суждено было стать предком А.С. Пушкина. Родство с поэтом идет через его сыновей: Мстислава Великого (это смоленская линия) и Юрия Долгорукого (суздальская линия) – от него пошли князья суздальские (в том числе и царь Василий Шуйский).

В отрочестве Владимир княжил в Ростове. Затем в Чернигове и в Переяславле-южном. В 1103 году вместе со своим двоюродным братом Святополком II Изяславичем, великим князем киевским, совершил удачный поход на половцев. После смерти Святополка в 1113 году киевские бояре призвали его на великое княжение.

Еще в 1108 году Владимир заложил город над Клязьмой и нарек его своим именем. Городу Владимиру суждено было стать стольным великокняжеским градом.

Один из мудрейших и авторитетных князей своего времени, Владимир Мономах ратовал за единение всех русских князей: «...Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле».

В Лаврентьевской летописи²⁸ сохранились три творения Владимира Мономаха: «Поучение», «Летопись жизни» и «Письмо Олегу Святославичу». Что говорил великий князь в назидание своим детям, восьмерым сыновьям и трем дочерям, как поучал их? Сквозь столетия долетели до нас мудрые княжьи слова: «Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите ее в сердце свое и не ленитесь, но усердно трудитесь <...>

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в зной и в стужу, не давая себе покоя, не полагаясь ни на посадников, ни на биричей. Все делал сам, что было нужно, весь порядок в доме у себя сам устанавливал. И следил за порядком у ловчих и у конюхов. И о соколах и о ястребах заботился. Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным».

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

«...Прочитав эту грамотку, постарайтесь, дети, совершать всякие добрые дела. Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог даст».

---

²⁷ Мономах (древнегреч.) – единоборец.

²⁸ «Поучение» Владимира Мономаха дошло до нас в единственном списке, составленном монахом одного нижегородского монастыря Лаврентием и помещенном им в «Повесть временных лет». Это, по сути, первая автобиография на Руси.

Безымянная княжна

Более девяти столетий минуло с тех пор, как у черниговского князя Владимира Мономаха, будущего великого князя киевского, родился седьмой сын, нареченный Юрием.

Первой женой Владимира (князь был женат трижды) была дочь англосаксонского короля Гарольда II, погибшего в битве с нормандскими войсками при Гастингсе в 1066 году, светловолосая королева Гита. История ранней романтической женитьбы переяславского княжича с иноземной королевой породила ошибочную версию, что именно Гита была матерью Юрия. Но у нее был только один сын, Мстислав, старший Мономашич. Полагают, что умерла Гита в 1089 году. В том же году князь Владимир вновь женился. А вот имя матери князя Юрия летописцы не сохранили. Второй женой Владимира Мономаха стала русская княжна из обедневшего рода. Возможно, этим и объясняется, что ее особа в то время не заинтересовала древних летописцев, посему и имя, и род ее остались нам неизвестными. Известно лишь, что прожила она в замужестве 18 лет, скончалась в мае 1107 года, когда дикие половецкие орды осаждали город, и погребена в Переяславле-южном. Вот эта-то безымянная княжна и стала матерью князя Юрия.

Считается, что родился князь Юрий в 90-х годах XI столетия. Но исторические документы, до наших дней не сохранившиеся, позволили историку Татищеву считать годом рождения Юрия 1090-й либо 1091-й.

Княжич Юрий воспитывался под наблюдением отца – в пору ранней русской истории патриархат был еще мощной социальной силой, и отцовские наставления, с младенчества усвоенные княжичем, вдохновляли его потом на великие деяния.

Рано выросли на Руси. Юрий, едва достигнув шести лет, получил от отца в княжение Ростово-Суздальскую землю с двумя старинными городами: Ростовом²⁹, основанным в 862 году, и Суздалем, построенным позже, в 1024-м.

---

²⁹ Упоминается в «Повести временных лет»: «И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов...»

Ростовское княжение

Сел малолетний княжич на ростовский престол. Но истинным правителем земли стал воспитатель Юрия тысяцкий Георгий Симонович, сын Симона Африкановича, прибывшего на Русь в 1027 году к Ярославу Мудрому. С наставником княжича связывала истинная дружба, и уже возмужавший Юрий, отлучаясь из княжества, поручал его «на бережение» своему верному тысяцкому.

Рано становились и мужьями в то беспокойное время. Шестнадцатилетним обвенчался князь Юрий с половецкой княжной, нареченной в крещении Марией. Вряд ли спрашивал отец, любя ли ему половчанка, дочь хана Аепы. После победы над половцами на реке Суле заключил Владимир Мономах мир с ханом. А чтобы прочнее был мир на Русской земле, взял у него «залог» – женил на ханской дочке своего сына Юрия. Той половчанке суждено было стать матерью старшего сына Юрия, вошедшего в историю Руси под именем святого князя Андрея Боголюбского.

Правда, женитьба князя Юрия недолго способствовала миру. Уже в 1110 году он вместе с братьями участвовал во втором походе своего отца, князя Владимира, против половцев. Поход был счастливым для русичей – возвратились они и с богатой добычей, и с немалой славой. Владимир Мономах стал великим князем лишь в мудрую пору своего шестидесятилетия. Принял он престол в смутные для Киева времена – началось восстание «черного люда». Но сумел он успокоить Русь, объединить ее земли, укрепить границы на юге и западе, за что и называли его «добрым страдальцем за Русскую землю».

Благоволила удача и сыну его Юрию: военный поход на волжские берега закончился покорением Волжской Болгарии. Подчинились молодому князю и старые города – Муром и Рязань.

И только через пять лет имя ростовского князя Юрия вновь появится на летописных страницах: в 1125 году он приезжает в Киев на похороны отца, Владимира Мономаха. Впервые, быть может, на царской тризне встречаются пятеро оставшихся в живых из восьми братьев: Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей Добрый. Осиротела «Мономахова держава»...

В том печальном для Мономашичей году и кроются истоки долгой и кровопролитной борьбы с Ольговичами, сыновьями князя Олега Святославича (Гориславича)³⁰, считавшими себя законными претендентами на великое княжение.

В XII столетии одиннадцать потомков Владимира Мономаха наследовали великокняжеский киевский престол: сыновья Мстислав, Юрий, Ярополк, Вячеслав; внуки Мстиславичи – Изяслав, Ростислав, Владимир; внуки Юрьевичи – Глеб и Михаил; правнуки Ростиславичи – Рюрик и Роман. Из них трое – Мстислав, Юрий и Ростислав – предки Пушкина.

---

³⁰ Олег Святославич (ум. в 1115 г.) – внук Ярослава Мудрого, как и его двоюродный брат Владимир Мономах. Имел четверых сыновей: Всеволода, Игоря, Святослава и Глеба.

Князь Долгорукий

Место умершего отца займет старший из Мономашичей, сын английской королевны Гиты Мстислав Великий.

А князь Юрий будет пока править в своем далеком Суздальском княжестве, ставшем самостоятельным в 1132 году. (Семью годами раньше столица по велению Юрия была перенесена из Ростова в Суздаль.)

Впереди будут долгие годы жестокой борьбы за власть, за стольный град Киев. Будут боевые походы и княжеские интриги, пожарища и разорения. 23 августа 1148 года Юрий Долгорукий впервые вступает в Киев и с боем изгоняет племянника Изяслава II Мстиславича³¹, считая Киев, «сей пращур русских городов», своей наследственной вотчиной. Надо признать, что это был тот самый редкий случай, когда междоусобная война способствовала торжеству справедливости.

Могущественный Юрий, став киевским князем (а его княжение длилось около двух месяцев), за короткий срок наводит в окрестных землях твердый порядок, укрепляет оборонительные сооружения, ставит князьями сыновей в Переяславле, Вышгороде, Каневе и Белгороде. И только сделав это и не желая дальнейших кровопролитий, Юрий в октябре 1148 года оставляет Киев в пользу своего брата – на престол вновь садится Вячеслав Владимирович, законный князь киевский.

И все же длительного мира за этим не последовало. Изяслав и не думает отказываться от своих княжеских амбиций и при поддержке брата Владимира III Дорогобужского в конце 1148 года вновь вступает в Киев. Вячеславу приходится покинуть Киев и со своей дружиной отправиться на этот раз в Вышгород. Юрий спешит поддержать установленный им порядок, но Изяслав непримирим. В августе 1149 года, прибегнув к силе, Юрий все-таки изгоняет Изяслава и вступает в Киев. Храбрейшему витязю Изяславу II предстоит изведать не только горечь, но и позор поражения. Войско, покинутое предводителями, трусливо разбежалось, а сам князь с трудом уходит от расправы.

Русь трагическая, раздираемая бурными страстями, сумрачная и загадочная, не знающая еще своих пределов на севере, юге и востоке, между морями и океаном, истощается нескончаемыми конфликтами и войнами.

Затаив злобу на дядю, Изяслав бежит в Венгрию к своей сестре Евфросинии, жене венгерского короля Гейзы II. Чувство мести не покидает его, и после короткой передышки он с 10-тысячной венгерской армией подступает к киевским стенам.

Юрий Долгорукий вынужден вернуться в свое княжество. Он не вступает в бой, видимо, не желая кровопролития. Но в том же 1151 году Юрий с дружиной вновь пришел в киевские земли, и на реке Руте произошло большое сражение, в котором Юрий впервые потерпел полное поражение. В том бою был тяжело ранен сын Юрия Андрей, ранен был и сам Изяслав II.

Междоусобная война затянулась на годы. В феврале 1152 года Изяслав II, в надежде упрочить собственную власть, приглашает на княжение Вячеслава, обращаясь к нему уже с покаянием и смирением: «Батюшка! Кланяюсь тебе... согрешил я перед тобою сначала, а теперь каюсь... отдаю тебе, батюшка, Киев, и сядь на столе деда и отца своего!» Вячеслав приглашение принимает и княжит вместе с Изяславом остаток лет.

Но недолго длилось это совместное княжение: 14 ноября 1154 года умирает Изяслав II. И тотчас же в Киев прибывает его родной брат Ростислав Мстиславич Смоленский. После

---

³¹ *Изяслав II Мстиславич* (1097–1154). Сын Мстислава Великого. В 1146 году одержал победу над князем Игорем Ольговичем и занял великокняжеский киевский престол.

смерти Вячеслава³², последовавшей ровно через месяц – 15 декабря 1154 года, Ростислав, узнав о приближении к Киеву войск Юрия Долгорукого, уходит к себе в Смоленск, а его место незамедлительно занимает князь Изяслав Давыдович Черниговский, внук Святослава II. Это был последний князь времени длительного междувластия. Изяслав Давыдович прокняжил всего три месяца: в марте 1155 года он поспешно покинул Киев, испугавшись огромной рати Юрия.

Воздадим должное недюжинному уму и поистине железной воле князя: стародавняя мечта его исполнится – взойдет Юрий великим князем «на царственный престол своих отцов», откроют киевляне ему Золотые ворота. И произойдет это 20 марта 1155 года.

Но судьба словно потешится над Юрием: чуть более двух лет великого княжения отпустит ему. И еще оставит за князем в истории прозвище Долгорукий – руки ведь князюшка издалече к Киеву протянул, из самого Суздаля.

Умер Юрий Долгорукий 15 мая 1157 года, через пять дней после пира в доме киевского боярина Петрилы. Возможно, что на том пиру был великий князь отравлен. Навеки упокоился Юрий Долгорукий в Киевской земле: похоронили его в церкви Спаса на Берестове, что и ныне находится на заповедных землях Киево-Печерской лавры.

---

³² Как сообщает летопись, смерть настигла Вячеслава Владимировича неожиданно: вечером он еще пировал со своей дружиной, а утром не проснулся.

«На тихих берегах Москвы»

В бурной жизни князя было одно деяние, которое в водовороте тогдашних страстей вряд ли казалось ему столь значимым: в числе городов, основанных Юрием Владимировичем, был один небольшой, даже и не город еще, а город-крепость, затерянный в дремучих суздальских лесах. Века будто спрессовали все деяния князя в одно емкое слово – Москва.

«Самъ же князь Юрий взыде на гору и обозре съ нея очима своима, семо и овамо, по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, возлюбил села оные и повеле вскоре сделати градъ маль, древянь, по левую сторону реки на берегу и прозва его званием реки Москва градъ»³³.

Сельцо, что предстало княжескому взору, принадлежало боярину Степану Кучке. Видимо, неспроста дал народ ему это прозвище – собирал да складывал свои богатства боярин, прибирал добро к рукам. А было оно у него немалое: одних «красных» сел по реке Москве, что грибов под кустом: Воробьево, Высоцкое, Кудрино, Сущево.

Нравом боярин Степан был крут, не привык шапку ломать перед князьями. За то и поплатился головой. Вот как о той недоброй встрече боярина с князем Юрием повествует московское сказание: «Тоть Кучко встретил Великого князя зело гордо и не дружелюбно. Возгордевся зело и не почтил в. князя подобающею честию, а къ тому и поносивъ ему. Не стерпя той хулы, в. князь повелелъ того боярина ухватить и смерти предать... Видевъ же сыновей его, млады суще и лепы зело и дочь едину, такову же благообразну и лепу, в. князь отослалъ ихъ во Владимиръ къ сыну своему Андрею».

Не знал, не ведал тогда князь Юрий, чем через годы обернется эта его жалость...

Красавица Улита Кучковна стала женой Андрея Боголюбского. Она же вместе с родичами Кучковичами участвовала в заговоре против Андрея, жертвой которого позже и пал святой князь. Поздней воровской ночью прокрадутся Кучковичи в княжий дворец Андрея Боголюбского и злодейски убьют набожного князя, а тело его выбросят в огород, воронью на поругание.

...Переименовал то боярское село князь Юрий Владимирович – нарек его Москвой. Но звали сельцо люди по старинке – Кучково, хотя при князе боялись произносить это крамольное слово. Долго еще хранила народная память имя незадачливого боярина: до XVII века один из районов Москвы, между Сретенкой и Лубянской, назывался Кучковым полем, на краю которого и стоял в былые годы дом Степана Кучки.

А когда из Византии возвращались в родные земли сыновья Юрия Долгорукого – Михаил и Всеволод, летописец упомянул о том, что благополучно прибыли они «до Кучкова, рекше до Москвы».

Не первым Степан Кучка облюбовал эти места. Задолго до него селились тут славяне. На Москве-реке, на месте села Дьяково, что в Коломенском, были так называемые дьяковские городища. Укреплялись они рвами и валами, обносились тыном. Селились древние славяне и на месте Нескучного сада, и в районе Самотеки, и по берегам Неглинки, и на том самом месте, где возвышается восстановленный ныне величественный храм Христа Спасителя³⁴. Когда в девятнадцатом столетии закладывали фундамент этого храма, в устье когда-то протекавшего здесь ручья Черторый нашли две редчайшие серебряные монеты. Одна из них, 862 года (время вокняжения Рюрика!), была чеканена в Средней Азии, другая, 866 года, – в Армении.

Славянские курганы возвышались на месте нынешнего Замоскворечья, в Тушино, в Царицыно. На земле Москвы жили в основном племена вятичей. А их ближайшие соседи,

---

³³ Забелин И.Е. История города Москвы. М.: Столица, 1990.

³⁴ Храм Христа Спасителя, разрушенный в декабре 1931 г., был освящен 26 мая 1883 г., в день рождения А.С. Пушкина.

кривичи, селились чуть на север и запад. Кремлевский холм – «зародыш Москвы» – обжили славяне еще в IX веке. Вот уж поистине: «Не сразу Москва строилась!»

Соседи с завистью поглядывали на суздальские владения Юрия. Манила эта земля своим богатством. Да и как не манить – в суздальских и ростовских лесах всякой живности видимо-невидимо: и белка, и горностаи, и лось, и медведь; полноводные реки и озера рыбой так и кишат, да и на речных бобров есть немало охотников. Бортным промыслом жители испокон веку тут промышленяли. Ох и хорош здешний медок! Не оттого ли сладка так земля Суздальская, что всех к себе манит – и друзей, и недругов?

Вот и начал Юрий строить Москву, а потом и Дмитров. Как богатырские заставы, эти города-крепости заслонят от врагов, отвратят беду от Суздаля и Владимира. Встанет и вторая линия обороны: сам Ростов-батушка, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской. С западной границы неприступны будут княжеские земли.

Может быть, припомнились князю Юрию тогда отцовские слова: «Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой³⁵, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран³⁶. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели».

Вот и он, князь Юрий, Мономахич, радеет о своей земле, украшает ее городами и церквами резными, белокаменными... «Тогда же князь Юрий был в Суздале, и Бог открыл его разумные очи на построение церквей. И были поставлены в Суздальской стороне многие церкви: он поставил каменную церковь на Нерли Святых мучеников Бориса и Глеба, а в Суздале каменную церковь Святого Спаса, а во Владимире каменную же церковь Святого Георгия...» – глаз не отвести от ее затейливой резьбы, словно весь мир вобрала в себя: людей и птиц, зверей и травы. Построил он и в Переяславле церковь Святого Спаса, продолжает летописец, «и дивно наполнил ее книгами...». В книжников Мономахичей, в род свой пошел Юрий.

Строил Юрий храмы и посады в честь своего небесного покровителя, первым славил его в Суздальской земле. И ведь сбылось – через два столетия, в княжение далекого преемника Юрия – Дмитрия Донского, именно святой Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона, стал покровителем Москвы.

...Стоит Юрий на высоком крутом мысу, в великой задумчивости обзревает открывшийся перед ним вольный простор. В том самом месте, где впадает в Москву-реку речка поменьше, Неглинная, мыс навис над водой обрывами. На восток, до реки Яузы, луга тянутся, так и зовут то место – Великий луг. И повсюду, сколь может видеть глаз, стоят вековые сосновые боры. Будто сам Божий перст указывает быть здесь граду-крепости.

Быстро рос город. Появилась на Боровицком холме первая часовенка. В детинце, в самом сердце Кремля, возвели уже ловкие мастеровые крышу над княжьем теремом. Рядом хоромы пониже, не столь затейливые: там – княжеский тиун будет жить, там – дворня, слуги.

Чуть поодаль – конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом. Встали крепкие рубленые амбары, клетки-кладовые для всякой готовизны: и рыбные склады, и «медуши», где в глиняных корчагах хранились крепкие вина и меды.

На княжьем дворе уж поставлен шатер для почетной стражи. Вдоль крепостных стен в землю вкопаны медные котлы для «вара» – крутого кипятка, будет чем «попотчевать» непрошенных гостей. Хорош княжеский терем, не наглядеться на его резные галереи, точечные башенки, высокое крыльцо. Нижний теремной ярус – для челяди, второй, княжеский, –

---

³⁵ Всеволод Ярославич, великий князь киевский. Родной дед Юрия Долгорукого.

³⁶ Эти строки из «Поучения» Владимира Мономаха Н.М. Карамзин комментировал так: «Довод сильный против тех, кои праотцев наших почитают невеждами».

с большой палатой, украшенной турьими и оленьими рогами, с широкой галереей, – будет где князю задавать летние пиры...

«Приди ко мне, брате»

Все бы хорошо, да тревожат Юрия вести, дошедшие к нему из Киева: убили киевляне брата князя Всеволода II – Игоря Ольговича, коему завещал Всеволод перед смертью великое княжение. Игорь княжил почти символически – всего тринадцать дней. Ровно столько понадобилось Изяславу, в числе других князей присягнувшему Игорю на верность, чтобы самому захватить столь желанный киевский стол.

В вину Игорю киевляне вменили его отказ отстранить от дел великокняжеских тиунов ненавистного им Всеволода II: Ратшу, родоначальника Пушкиных, и Тудора. После того как Игорь потерпел поражение в битве с Изяславом, несколько дней он укрывался в болотах, а затем постригся в монахи. Однако монастырские стены не уберегли Игоря. Киевляне силой выволокли его из храма, и разъяренная толпа растерзала несчастного князя. Случилось это в 1147 году.

Изяслав Мстиславич – извечный противник своего дяди Юрия. Но «князь Юрий, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук Великого Владимира, крестившего всю Землю Русскую», почитает себя законным наследником великокняжеского престола. Сколько сил ушло у него на борьбу с Изяславом, родным племянником, сколько русской крови напрасно пролито! И вот теперь Изяслав приводит на Киев орды половецкие, грабит села Игоря Ольговича и его родного брата Святослава, князя новгород-северского.

Как никогда, нужен князю Юрию верный друг. Не раз и Юрий выручал Святослава Ольговича: прислал однажды на подмогу ему войско с Белоозера. И в сей час скорбит князь Святослав, просит Юрия отомстить за брата. Не отступится князь Юрий Владимирович, великая борьба предстоит ему: он, Мономашич, должен взойти на престол по праву.

«Приди ко мне, брате, в Москов» – это послание Юрия Долгорукого своему другу, князю Святославу Ольговичу, стоявшему с дружиной в городке Лобынске, при устье Протвы, и стало первым письменным упоминанием о Москве. А год, когда оно было написано, – 1147-й – принято считать годом рождения города.

...Суетятся слуги, готовят хоромы для встречи знатных гостей и их дружин.

Первым приезжает в Москву девятилетний сын Святослава Олег, родной брат Игоря Святославича, воспетого в «Слове о полку Игореве» (ко времени московской встречи князя Игоря еще не было на свете – он родится тремя годами позже). Юный княжич горд отцовским поручением: он возглавляет особое посольство. Среди многих даров, привезенных Олегом князю Юрию, была и шкура диковинного зверя «пардуса» – гепарда или барса. Видимо, не случаен был тот дар, ведь именно величественный «пардус», вставший на задние лапы, красовался на боевом щите Юрия.

Вот они, как писал поэт, «драгоценные краски старины»:

«Олег же еха наперед к Гюргеви, и да ему пардус. И приеха по нем отец его Святослав, и тако любезно целовастася, в день пяток, на Похвалу святой Богородици, и тако быша весели. Наутрии же день повеле Гюрги устроить обед силен, и створи честь велику им, и да Святославу дары многы, с любовию...»

Но что это за загадочный «день пяток», который упоминает летописец? Вот как расшифровал его известный исследователь Москвы И.Е. Забелин: «Князья съехались в Москве в пятницу, на пятой неделе Великого поста – день, который принимается первым в историческом существовании Москвы». И далее он поясняет, что Пасха в 1147 году была 20 апреля, а пятница на пятой неделе Великого поста приходилась на 4 апреля.

Думается, что исторически более правомерно было бы праздновать День города не в сентябре, а весной, в апреле, ведь весна 1147-го стала первой страницей в летописи Москвы.

Итак, следом за княжичем Олегом пожаловали в Москву и его отец – князь новгород-северский Святослав Ольгович, и князь Владимир Святославич Рязанский. Прибыли князья в Москву со своими дружинами и прочими служилыми людьми, писцами, советниками.

Полон людей княжий двор. Но всем дорогим гостям нашлось место за широкими дубовыми столами в светлой гриднице.

Поклонились честные гости святым образам, чинно расселись по скамьям. Во главе стола сам хозяин – князь Юрий Владимирович, по правую руку от него князь Святослав, по левую – князь Владимир Рязанский.

В середине широкого стола будто солнце горит – такое сияние идет от золотых и серебряных чаш, кубков и братин, что и смотреть-то больно. Возгласами восхищения полнится гридница, будто стая лебединая впорхнула в нее ненароком, – слуги один за другим чинно вносят на больших блюдах жареных лебедей.

Ломятся дубовые столы от лакомств, чего тут только нет: и пироги сладкие, и орехи, и пряники с имбирем, и сушеные плоды заморские.

За застольем присматривает кравчий – все ли гости уважаемы, нет ли какой для них обиды? А чашники свое дело знают – обносят гостей кубками с мальвазией и прочими сладкими греческими винами. Из больших кадок черпают серебряными чашами мед чарошники. Через край льются крепкие московские меды.

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Не об этом ли пиршестве напишет спустя семь веков далекий потомок князя Александр Пушкин?

Поистине, «обед силен» устроил своим гостям Юрий. (На том пиру юный княжич Олег Святославич был обручен с дочерью Юрия Долгорукого Марией.) Пили гости за здоровье хлебосольного хозяина, за его щедрость, за новый град, построенный князем Юрием, – за Москов! Не отсюда ли, из глубины седых столетий, и утвердилась за Москвой слава города миролюбивого, гостеприимного и хлебосольного?

...Ходят по кругу серебряные братины, полнятся чаши крепкими медами. Пируют князья; и неведомо им, что городку этому, ставшему на границе Ростово-Суздальской земли, судьбой будет определено стать стольным градом огромной страны и что название Москва зазвучит на всех ведомых языках и наречиях.

«Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти?» – так начиналось сказание о начале Москвы, записанное в XVII веке. Как говорили в старину, «Москву вся Русь собирала и сама в ней засела».

Множество бед – нашествий, пожаров, разорений – предстояло испытать великому городу, но всякий раз «гнездо великого государства... тотчас же устраивалось и укреплялось в новой силе и славе». Не мог князь Юрий ведать о будущем величии заложенного им городка, но город же этот обессмертил и его имя. Не великим князем киевским почитается он, а прародителем, основателем Москвы.

Большое потомство оставил князь Юрий: одиннадцать сыновей и две дочери. Одному из них, самому младшему, Всеволоду III Юрьевичу по прозванию Большое Гнездо, суждено было продолжить род, ведущий к Александру Пушкину...

Минут столетья, и на главной московской улице – Тверской встанут бронзовые памятники: князю Юрию Долгорукому – основателю Москвы и его гениальному потомку – поэту Александру Пушкину, родившемуся в Первопрестольной и воспевшему ее.

...Ах, братцы как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Из Всеволодова гнезда

*...Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?*

А.С. Пушкин

Андрей Боголюбский

Два сына Владимира Мономаха – Мстислав Великий и Юрий Долгорукий – дали две ветви прямого родства к Александру Сергеевичу Пушкину – один в 24-м колене, другой – в 21-м. После смерти Юрия Долгорукого киевляне, не признававшие его княжения, перебили всех верных великому князю суздальцев.

Старший сын Юрия, Андрей, не стремился в Киев – Суздальская земля была милее его сердцу. Отсюда, из Владимира, мыслил он править Русью – и Киевом в том числе. «С Андрея начинает обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире, – писал историк Н.И. Костомаров. – ... Андрей был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам...»

Владимиро-Суздальское княжество при Андрее Боголюбском достигло небывалого могущества и стало сильнейшим на Руси. Несказанной красотой своих резных белокаменных соборов и дворцов славился Владимир, ставший затем стольным великокняжеским градом для русских князей.

Потому-то и мог сказать с гордостью князь: «Я белую Русь городами и селами застроил и многолюдною сделал».

Прославился Андрей Боголюбский, строитель «белой Руси», и еще одним деянием: ему суждено было привезти в Суздальскую землю икону Божией Матери, писанную в Царьграде самим евангелистом Лукой и названную позже Владимирской.

Чудотворный образ стал главной святыней Руси: пред ним венчались на царство цари, избирались патриархи, молились полководцы, сочетались брачными узами великие князья. В их числе – и предки Пушкина.

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвижится...

Желание Андрея Боголюбского утвердить свои права на старшинство, а значит, и на Киев, поистине не имело границ, – нужен был повод к открытой борьбе. И он вскоре представился. Мстислав II Изяславич³⁷, восседавший в ту пору на княжеском престоле, по просьбе новгородцев отправил к ним на княжение своего сына Романа. Именно это его решение и стало роковым: посылать в Новгород князя из Киева было противоправным, ведь Новгород всегда оставался в подчинении Владимирского княжества.

---

³⁷ Мстислав II Изяславич (ум. в 1170 г.) – сын Изяслава II, внук Мстислава Великого. В 1167–1169 гг. – великий князь киевский. После изгнания из Киева княжил во Владимире-Волыньском.

В разгроме Киева в марте 1169 года приняли участие одиннадцать удельных князей с их дружинами и ратью. В два дня величественный Киев был сожжен и разграблен, не пощадил и его жителей: жен разлучали с мужьями и вели в плен, людей били и вязали, иступленные вопли детей приводили в ужас очевидцев. «...На всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные», – так запишет летописец о тех страшных днях разорения. Жестокость отчасти объяснялась мстью за избиение суздальцев киевлянами после смерти Юрия Долгорукого в 1157 году.

Впервые за всю историю, как писал Соловьев, мать городов русских – Киев постигла участь города, взятого на щит. Никакие иноземные завоеватели так варварски не разрушали Киев, как то сделало ополчение Андрея Боголюбского под предводительством его сына Мстислава.

Овладев Киевом, Андрей посадил на княжение младшего брата Глеба Юрьевича с намерением и впредь назначать удобного ему князя. С этого времени древний Киев надолго утратит свое бывшее величие. Всесильным становится Владимиро-Суздальское княжество.

Андрей Боголюбский способствовал объединению русских земель, вызвав тем самым у многих бояр тревогу и недовольство. Им неплохо жилось в своих богатых вотчинах, где они чувствовали себя полновластными хозяевами. К тому же закончился неудачей новый поход на Киев – Андрею Боголюбскому пришлось еще раз послать туда войско, чтобы удержать город в своей власти.

Назревал заговор против непокладистого князя, посягнувшего на незыблемые боярские права. Кровавое злодейство свершилось в ночь на 29 июня 1174 года: Андрей Юрьевич был зверски убит заговорщиками в селе Боголюбове, в своей опочивальне.

Великий князь позже был причислен к лику святых, продолжив тем самым славный список предков великого поэта, почитаемых на Руси.

Младший брат Андрея, Михаил, собрал войско и достойно отомстил за смерть князя: боярские дружины разбил, убийц-заговорщиков сурово наказал. Михаил Юрьевич прокняжил всего два года: страдающий давним недугом, он внезапно занемог и умер в городе Волжском. Из детей оставил после себя лишь дочь Пребрану.

После смерти Михаила на «отчий златой стол» восходит его родной брат Всеволод III, коему суждено было стать предком Александра Сергеевича Пушкина в 23-м колене.

Из династии императоров

Последний, одиннадцатый, сын Юрия Долгорукого – Всеволод III, нареченный в честь прадеда Всеволода Ярославича, родился в 1154 году. Матерью его стала царевна, дочь византийского императора Иоанна Комнина. Известно, что в годы правления ее брата Мануила Комнина, она, будучи вдовой, вместе с детьми, племянниками императора – Василием, Михаилом и малолетним Всеволодом, – жила в изгнании в Константинополе. Видимо, недолго, так как ее младший сын, пятнадцатилетний Всеволод, уже в 1169 году участвовал в походе своего единокровного брата Андрея Боголюбского на Киев.

Всеволод III взойдет на «отчий златой стол» в 1176 году и прокняжит до апреля 1212 года. Ему предстоит раздвинуть пределы Владимиро-Суздальского княжества, совершить победоносный поход на Волжскую Болгарию. И подчинить своей власти Рязанское княжество, раздираемое бесконечную междоусобною враждой.

При Всеволоде Владимиро-Суздальское княжество настолько разрослось, что весть о его силе и богатстве разнеслась далеко за пределы Руси.

Всеволод Юрьевич, личность одаренная, обладал немалым влиянием на весь ход тогдашней жизни, на его силу и защиту уповали многие русские князья. Это ему, потомку византийских императоров, посвящены поэтические строки в «Слове о полку Игореве»:

Великий князь Всеволод!
Неужели и мыслию тебе не прилететь издалека
отчий златой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!

Всеволод III был любим и почитаем подданными за милость и княжью заботу. В летописях сказано: судил по праву, бояр, обижавших людей, строго наказывал. Отличался своей осторожностью, умел вовремя уступить, дабы избежать кровавого исхода княжеских споров. Как христианин радел об интересах православной русской церкви, возводил на Владимирской земле монастырские обители и соборы, до сих пор не превзойденные по своей красоте.

Великокняжеская чета

Всеволод Большое Гнездо. Великий князь Владимиро-Суздальской земли...

И если ратные и государственные дела, что снискали славу великому князю, известны, то его женитьба на осетинской княжне Марии не привлекала, казалось, особого внимания историков. И все же та давняя-предавняя встреча русского князя и ясской³⁸ княжны имела воистину судьбоносное значение для всего хода истории отечества.

Княгиня Мария Шварновна, в летописях ее именуют «Ясыней», как полагают, состояла в кровном родстве со знаменитой грузинской царицей Тамарой, бывшей замужем за Юрием, сыном Андрея Боголюбского. Мария вышла замуж за Всеволода III в 1175 году и умерла в 1206-м, прожив в супружестве более тридцати лет.

Великая княгиня подарила Всеволоду двенадцать детей: восемь сыновей и четверо дочерей! Прозвищем «Большое Гнездо», что закрепилось за ним в истории, обязан князь Всеволод своей благочестивой супруге. Великокняжеская чета являла собой и образец супружеской жизни.

Подобно византийским императорам, Всеволод III любил выезжать на белом коне, дабы лицезреть подданных и созерцать обширные владения. Чуть поодаль в золоченом возке сопровождала торжественный выезд княгиня Мария.

Великая княгиня старалась решать междоусобные споры миром – все раздоры затишали, а бывшие недруги становились союзниками. Поддерживала супруга во всех его благих намерениях, вникала в нужды простолюдинов, заботилась об интересах челяди, – за что была наречена Блаженной и причислена русской церковью к лику святых. И верно не случайно по мудрости и любви к православию сравнивали ее с древнерусской Святой княгиней Ольгой.

Но в жизни Марии Шварновны было деяние, оставившее имя ее векам – основанный во Владимире женский Успенский монастырь, нареченный в народе в память о его устроительнице – Княгининым. Последние годы жизни Марии омрачились тяжелой болезнью, великая княгиня «лежала в немощи». Незадолго до кончины, в марте 1206-го она приняла постриг в Успенском монастыре. И успела оставить завещание своим детям:

«Возлюбленные мои чада! Имейте тихость, и кротость, и смиренномудрие, и любовь, и милость. Алчущих насыщайте, жаждущих напойте, нагих одевайте, больных посещайте и себя в чистоте содержите. Всякого человека не минете, не привечавши. Сами же меж собою имейте нелицемерную любовь, и Бог мира и любви будет в вас, и сохранит вас от всякого зла... Аще ли же в ненависти и распрях будете между собою, то сами погибнете и благословенное наследие – державу отечества вашего изгубите, юже праотцы ваши и отец ваш многим трудом и потом приобретаюша. Тем же пребывайте мирно и любовью меж собою, брат брата послушающе».

Монастырский Успенский собор стал княжеской усыпальницей: в нем похоронена и сама княгиня Мария, а позже – ее потомки (в их числе и правнучка, дочь Александра Невского).

...За века каменные стены Княгинина монастыря не раз испытывались на крепость татаро-монгольскими ратями, но всякий раз, – небесным ли заступничеством святой княгини? – обитель чудесным образом восставала из руин.

На месте разрушенного татарами собора в начале XVI века владимирцы возвели новый храм, признанный великолепным образцом раннемосковского зодчества. В семнадцатом веке Княгинин монастырь не был обделен вниманием русских цариц и царевен: среди мона-

³⁸ Кавказские аланы (по-русски «ясы») – предки осетин.

стырских келий числились и особые «царицыны хоромы». Следующее столетие стало не лучшим в истории обители: указом Екатерины II монастырь лишили вотчин и приписали в разряд второклассного.

Но более чем от иноземных варваров и недальновидных царских указов пострадал Княгинин монастырь от воинствующих безбожников, уже при советской власти, являя собой образ печального запустения: обезглавленные храмы, умолкнувшие звонницы...

На исходе XX века святая обитель вновь возродилась, и монастырская жизнь потекла в ней по своим, установленным еще при жизни ее основательницы незыблемым законам...

Ну а память о Блаженной Марии, словно трижды титулованной в истории – Великой княгиней, Великой женой и Великой матерью, – не угасает в России вот уже восемь столетий. Именно ей, супруге Всеволода Большое Гнездо, судьба определила соединить кровными узами две страны: Русь и древнюю Аланию. И эти незримые нити родства, испытанные на прочность веками, не прерываются и по день сегодняшний.

... Не судьба была встретиться в земной жизни княгине Марии с внуком Александром: она умерла задолго до его рождения. Но благодаря ей к фамильному древу русских князей «привита» крепкая «осетинская ветвь».

И как знать, – отвага, мудрость, да и сам нимб святости русского князя Александра Невского, – не есть ли дорогое наследство, дарованное ему осетинской бабушкой княгиней Марией?

... Князь Всеволод Большое Гнездо пережил свою супругу. Женился вторично на дочери Василька, князя витебского, и имел от нее троих дочерей. Последний год его жизни (он умер в 1212 году) выдался очень беспокойным: князь мыслил передать столицу – Владимир – старшему сыну Константину Мудрому, который «великий был охотник к чтению книг». Но Константин вознамерился обосноваться в Ростове – вернуть прежние времена былого величия «старого и начального города».

По велению Всеволода был созван собор – из городов и волостей княжества собрались бояре, купцы, служилый люд, священники. Они-то и присягнули на верность второму сыну великого князя, Юрию.

Со смертью Всеволода Владимиро-Суздальская Русь оказалась раздробленной на небольшие уделы, коими правили его сыновья, «птенцы» Большого Гнезда. Одному из них – Ярославу II – суждено было стать великим владимирским князем. И отцом княжича Александра, в будущем славного князя Невского.

От великокняжеской четы – Всеволода Юрьевича и Марии Шварновны родственные линии к поэту пролегли через их внуков: Александра Невского и Ярослава III.

Ярослав II

Ярослав Всеволодович, незлобивый и добросердечный, большой книголюб, остался верен духу единой державы, установленному его отцом. Участвовал в походе русских князей на половцев. Княжил в Рязани, Новгороде, Торжке.

И хоть был князь смел и решителен, удача часто обходила его стороной. В одиннадцать лет Ярослав II уже княжит в Переяславле-южном. Когда же ему минуло четырнадцать, отец женил Ярослава на внучке хана Кончака, снискавшего недобрую славу на Руси.

Такие ранние браки случались в Древней Руси. Свою любимую дочь Верхуславу Всеволод III выдал замуж на десятом году жизни. И когда муж, князь Ростислав Рюрикович, привез ее к себе, люди дивились малолетству жены (безусловно, супружеская жизнь началась позже, когда оба супруга достигали брачного возраста). И своего старшего сына Константина по достижении им одиннадцати лет Всеволод III женил в 1196 году на Агафье, дочери Мстислава Романовича, князя смоленского. Так что женитьба Ярослава в четырнадцатилетнем возрасте не противоречила стародавним обычаям и нравам.

В пятнадцать лет Ярослав получил приглашение от союзного венгерского короля на галицкий престол. Мгновенно собравшись в путь и преодолев на лихих конях многие сотни верст, он все же опоздал: Галич был уже занят князем черниговским. Ярослава ожидало двойное разочарование – юный князь потерял не только Галич, но и Переяславль-южный. Неудача постигла его и в Рязани, где он княжил в 1208 году. Рязанцы жестоко поплатились за то, что изгнали Ярослава. Отеческий гнев был тяжел: Всеволод III сжег Рязань.

После кончины князя-отца вотчиной Ярослава стал один из красивейших и поэтичнейших городов Владимиро-Суздальской земли – Переславль-Залесский (до XV века – Переяславль).

Овдовевший Ярослав женится вновь – на Ростиславе, дочери бесстрашного князя Мстислава Удалого. (Некоторые историки ошибочно считают ее матерью Александра Невского.)

В комментариях к книге «На поле Куликовом» сказано: «Мстислав Удалой (умер в 1228 г.) был князем торопецким (с 1206 г.), новгородским (с 1210 г.) и галицким (с 1219 г.). Поэтому он именуется также Мстиславом Галицким. Принимал участие в битве на Калке. Его дочь Федосья была женой Ярослава Всеволодовича, матерью Александра Невского».

Откроем книгу В.П. Пашуто «Александр Невский», изданную в серии «Жизнь замечательных людей». В ней говорится, что Ярослав вскоре после женитьбы «поссорился с тестем из-за Новгорода». И далее: «Дело дошло до войны. В печально известной битве на реке Липице в 1216 году полки Мстислава разгромили суздальцев... Мстислав Удалой в гневе отобрал у зятя свою дочь. Тщетно Ярослав упрашивал тестя воротить любимую Ростиславу...»

Ни мольбы Ярослава вернуть молодую жену, ни слезы дочери не изменили отцовского решения. Мстислав был непреклонен, и дочери пришлось уйти в монастырь, так и оставшись бездетной...

В битве на Липице, трагической для Всеволодовичей, младшим братьям Ярославу и Юрию противостояли их старший брат Константин и его союзник князь Мстислав Удалой. Но ведомые младшими Всеволодовичами полки суздальцев потерпели жестокое поражение от новгородских дружин. Ярослав бежал так быстро, что потерял даже свой боевой шлем, найденный много веков спустя на поле битвы.

И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле бронею;

В прибрежном злаке меч забыт...

Загнав четырех коней, на пятом прискакал он в Переяславль. С великой досады князь приказал всех новгородцев, бывших в ту пору в городе, бросить в погреб.

Вскоре к Переяславлю подошли Мстислав и Константин со своими полками. И вот тут-то Мстислав Удалой потребовал от своего зятя, чтобы его дочь, жена Ярослава, немедленно приехала к нему, а все новгородцы – были выпущены на свободу. Ярослав должен был покориться...

Видимо, не дождавшись возвращения жены, Ярослав II, князь переяславский, решил жениться в третий раз. Выбор его пал на Феодосию Игоревну, двоюродную сестру (а не внучку, как пишет В. Пашуто) князя Глеба Владимировича. Это тот самый, известный своею жестокостью, князь рязанский Глеб, который возжелал укрепить собственную власть самой кровавой ценой – убийством шести родных и двоюродных братьев, претендентов на княжий стол. После того как рязанцы изгнали Глеба, отчий престол в 1218 году занял чудом избежавший гибели князь Ингварь Игоревич. Вот на его-то родной сестре и женился Ярослав. Вскоре у княжеской четы родился первенец – сын Федор, а еще через год, в 1220 году – сын Александр, будущий князь Невский.

Феодосия Игоревна, княжна рязанская, была также матерью Ярослава III, Андрея II Суздальского, Михаила и Василия.

В жестоких сечах с татарами род Ярослава Всеволодовича счастливо уцелел. После гибели в марте 1238 года своего брата Юрия в сражении с Батыем на реке Сить (тогда же погибли и сыновья Юрия – Всеволод и Владимир) Ярослав II становится великим князем владимирским.

Еще через пять лет он фактически стал главой всех русских земель: получен был от Батыев заветный ярлык на княжение в Киеве и Новгороде. Но усиление власти князя пришлось не по вкусу ордынским правителям. Великий хан потребовал прибытия Ярослава в столицу Каракорум в Монголии. И 1246 год стал последним в его жизни: там, в Каракоруме, князь-ратоборец был отравлен коварной ханшей Туракиней. Из далекой Монголии тело усопшего князя было привезено во Владимир и погребено в Успенском соборе. Княгиня Феодосия Игоревна ненадолго пережила мужа...

От двух сыновей Ярослава II к Пушкину протянулись две обширные ветви: от Александра Невского – через князей московских, владимирских и суздальских; и от Ярослава III – через тверских и холмских.

Князь Невский

*...Я не мог отыскать в хрониках моего родоначальника – знаю только, что предки мои уже сражались близ Александра Невского...
А. С. Пушкин*

«К началу жизни молодой»

Абстрактное созерцание генеалогического древа рода Пушкиных не разбудит патристических чувств, если события истории не будут преображены духом человеческим. Это самый надежный, несмотря на кажущуюся эфемерность, путь из прошлого в настоящее.

Сквозь столетия пронес народ память о достойнейших своих сыновьях. И один из них – великий князь Александр Невский, осененный при жизни за свои ратные подвиги ореолом святости. Для исследователей Пушкина личность Александра Невского представляет особый интерес: он прямой предок поэта в 21-м колене. Исторические битвы с чужеземцами и победы над ними снискали славу русскому оружию, а имя героя, великого полководца князя Александра, навеки занесено в нетленную книгу народной памяти и любви. «Сей великий князь, – сообщает древний летописец, – побеждал всюду, а непобедим был никем же».

Александр Невский принадлежал к нередко встречавшемуся в прошлом типу русских людей, чья способность к раскованному, свободолюбивому мышлению сочеталась с неукротимой волей, прозорливостью, умением молниеносно принимать смелые решения. Кажется, ни одно художественное произведение в отечественной литературе еще не отобразило всей силы этого истинно русского характера, не расточавшего себя постепенно, а словно сгоравшего в горниле клокующих страстей. Безмятежна молодость – чувства и силы юного князя спокойны, будто тихая заводь. Но вот гонец от шведского полководца приносит весть об объявлении войны, и двадцатилетний князь Александр подобен разбушевавшейся стихии.

...Как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.

Дело художника будущего – воспроизвести эту круто взлетающую к бессмертию жизнь во всем ее неповторимом своеобразии.

Мы же попытаемся лишь показать, как глубоки и обширны корни генеалогического древа поэта в русской истории.

Александр Невский родился 30 мая 1220 года в Переяславле-Залесском. Здесь же, в вотчине его отца Ярослава, прошли детские годы князя.

Нашествие

Время то было тревожное. Распри удельных князей не затихали. И Русь, расчлененная на отдельные, враждующие между собой княжества, не могла противостоять татарским полчищам.

«В то время как потомки Владимира оспаривали друг у друга его наследство... неожиданный бич явился и поразил русских князей и русский народ.

У границ России появились татары... Князья собрались в Киеве; война здесь была решена; народ стекался отовсюду и становился под их знамена. Георгий³⁹, великий князь Владимирский, один не пожелал участвовать в опасностях этого похода. Ослабления уделов – вот чего ожидал он от событий.

Войска князей, соединившись с половцами, двигались вперед против неведомого и уже грозного врага... Два Мстислава, князь Киевский⁴⁰ и князь Галицкий⁴¹, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берега Калки (речки Екатеринославской губ.), Мстислав Галицкий перешел ее со своими отрядами, в то время как остальное войско под начальством князя Киевского остановилось на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 г.)⁴² враг появился, и началось сражение... Половцы первые обратились вспять и расстроили ряды русских. Те еще сражались, одушевленные примером храброго Даниила Волынского; но неразумная спесь князей была причиной их гибели; Мстислав Киевский не послал помощи князю Галицкому, а тот не пожелал просить ее.

...Избиение было ужасно. Мстислав и несколько других князей подверглись ужасной участи. Татары их связали, положили на землю, покрыли их доской и сели на нее, раздавив их заживо. Так погибло когда-то грозное войско. Русских преследовали до Чернигова и Новгорода-Северского. Все было предано огню и мечу. Вдруг победители остановились, и их орды ушли на восток, где соединились с великой армией Чингисхана, стоявшей тогда в Бухаре». (*Перев. с фр.*) Такими виделись Пушкину первые грозные знамения будущих великих бед на Руси.

Последствия поражения на Калке были трагичны: Русь, раздробленная и обессиленная, обречена была на годы страданий и мученичества.

Скорбное время в древнерусской истории – 1237 год. Полчища Батыя огненным валом прокатились почти по всей Руси. Стоном наполнилась Русская земля – ее города и села сожжены и разграблены, жители перебиты или угнаны в плен. «И бысть брань велика, – запишет летописец, – разгневание божие; поплени и высече князей русских и всю землю Русскую».

Печальным и великим зрелищем назвал Пушкин татарское нашествие. Только русский Север, во многом благодаря умной и гибкой политике князя Александра, остался нетронутым дикими ордами. В шестнадцать лет Александр становится князем новгородским и, не медля, приступает к постройке городских укреплений, к защите города от недругов.

³⁹ Юрий Всеволодович (1188–1238) – великий князь владимирский. Родной брат Ярослава II Всеволодовича, дядя Александра Невского.

⁴⁰ Мстислав Романович, великий князь киевский (?–1223).

⁴¹ Мстислав Мстиславич Удалой, князь галицкий. После поражения на Калке ему с остатками войска удалось бежать в Галич. В 1227 году уступил Галич венгерскому королю. В битве на Калке участвовал еще один Мстислав, князь черниговский. Он был убит татарами во время бегства по дороге к Днепру.

⁴² В пушкинское время и позднее годом битвы на Калке считался 1224-й. Ныне год определен как 1223-й.

Невская битва

А враги у Новгорода были коварные, сильные. Над Новгородом и над всеми северными русскими землями нависла опасность не меньшая, чем татаро-монгольское нашествие. Великих магистров Тевтонского ордена, как и жадных правителей Чингизидов, северные земли давно влекли великими просторами и несметными богатствами. С благословения папы римского рыцари-крестоносцы вознамерились покорить далекие восточные земли.

Новая беда навалилась на Русь: напали шведы – союзники крестоносцев. Во главе иноземного войска стояли Биргер⁴³, зять короля Швеции Эрика Эриксона Косноязычного, и военачальник ярл Ульф Фаси. «И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным». Целая флотилия из ста кораблей⁴⁴ (скандинавские саги упоминают о 5 тысячах воинов) двинулась к невским берегам.

Довольно легко покорив финнов, Биргер, снискавший славу непобедимого полководца, надеялся столь же просто завоевать Новгород и всю «землю словенску». Летом 1240 года шведские шнеки «в силе велице» вошли в устье Невы и бросили якоря неподалеку от впадения Ижоры в Неву.

Время для нападения Биргер выбрал удачное: страна обескровлена татаро-монгольским нашествием и междоусобицами. Да и не желал он видеть в русских достойных себе противников, был уверен: князь Александр предпочтет с дружиной отсидеться за высокими новгородскими стенами, ведь подкрепления ждать ему было неоткуда. Потому, не мешкая, и отправил к князю Александру гонца с грозной депешей: «Если можешь, то сопротивляйся мне, – я уже здесь и беру в плен землю твою». Не сомневался Биргер в легкой победе. По его замыслу флотилия должна была по Неве пройти в Ладожское озеро, взять крепость Ладогу, а затем по Волхову подойти к Новгороду.

Но и Александру ведомы были вражеские замыслы. Как только корабли Биргера вошли в Неву, пришла князю о том весть от старейшины Ижорской земли Пелгусия. Медлить было некогда, на отцовскую помощь или совет рассчитывать не приходилось. Время опасное: того и жди, нагрянут с запада еще и немецкие рыцари. И двадцатилетний Александр Ярославич принимает единственно верное решение – самому дать отпор незванным гостям.

---

⁴³ *Биргер* (?—1266) – правитель (ярл) Швеции в 1248–1266 гг. Возглавил в 1240 году поход против Новгорода; потерпел поражение в Невской битве.

⁴⁴ Шведский корабль-шнека, одномачтовое судно, ходившее под парусом и на веслах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.